

СКАЗАНИЕ О ТОМ, ЧТО ПРОИЗОШЛО В ДОМЕ ПРЕСВЯТОЙ И ЖИВОНАЧАЛЬНОЙ ТРОИЦЫ И КАК ЗАСТУПНИЧЕСТВОМ ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ И ПО МОЛИТВАМ ВЕЛИКИХ ЧУДОТВОРЦЕВ СЕРГИЯ И НИКОНА ИЗБАВЛЕНА БЫЛА ЭТА ОБИТЕЛЬ ОТ ПОЛЬСКИХ И ЛИТОВСКИХ ЛЮДЕЙ И РУССКИХ ИЗМЕННИКОВ, ТОГО ЖЕ КЕЛАРЯ ИНОКА АВРААМИЯ ПАЛИЦЫНА

ПРЕДИСЛОВИЕ

Скудость разума и невразумительность языка моего зная, долго откладывал я, не решаясь писанием известить о том, сколь преславную и великую милость для спасения благородства вашего явил нам в Великой России Бог наш, Пресвятая и Пребезначальная Троица, — о превеликом и превышающем всякое слово и разумение заступничестве Матери Слова Божия, согласно ее обещанию преподобному игумену Сергию чудотворцу, и ее неотступном от обители его пребывании, о том, от скольких зол избавил нас Господь при окружении ее множеством воинов, молитв ради великих чудотворцев, — я говорю об этом преподобном отце нашем великом чудотворце Сергии и ученике его, преподобном отце нашем Никоне чудотворце, — и о том, сколько чудес сотворил для нас Бог через угодников своих. Да и боялся я, видя недостаточность внутреннего во мне человека и будучи многою суетою смущаем во многих хлопотах, связанных с келарской службой, и из-за многих телесных недомоганий великих, бывающих у меня постоянно, к тому же и окаянство свое зная, и недостойность, и немощь любострастия. Но поскольку к старости глубокой я уже преклонился и подумал, что скоро придется мне расстаться с моим телом, то и убоился казни раба ононого, скрывшего серебро господина своего и прибыль на него не получившего, и почувствовал необходимость записать то, что слышал о бывших чудесах — кое-что же и глазами своими видел, — написать о происшедшем в обители чудотворца по его молитвам и возвестить вашей любви, подобно доброму глашатаю, «чтобы преподать вам некое дарование духовное к утешению вашему».

Сам я не был в обители во время осады ее польскими и литовскими людьми и русскими изменниками, пребывая в царствующем граде Москве по повелению державного князя, в доме чудотворца на Троицком подворье в Богоявленском монастыре. И, хоть и далекий по расстоянию, близок был ко мне своей милостью и заботами преподобный отец наш Сергей. И я видел там многие чудеса, слышал о приходе старцев в царствующий град Москву со множеством хлеба на возах, видел текущий от стен хлеб и умножение всего потребного по молитвам старцев в находящемся здесь Богоявленском монастыре и иные многие чудеса. Об этом впереди будет речь. Когда же отступили от обители посрамленные польские и литовские люди и русские изменники, и лжепомазанник из царствующего града Москвы постыднейшему бегству предался, а я вновь оказался в доме Живоначальной Троицы, и услышал о происходившем великом

заступничестве, о помощи против врагов и о чудесах преподобных отцов наших Сергия и Никона, и старательно проверил все в подробностях при многих свидетелях у оставшихся иноков, святых по облику и здраво рассуждающих, у благоразумных воинов и у прочих православных христиан о приходе изменников к обители, о вылазках, о боях во время приступов, а более всего — о великих чудесах, совершенных преподобными отцами, и об их помощи в борьбе с врагами. И из великого и преславного я выбрал малое — как бы зачерпнул горсть воды из морской пучины, — чтобы хоть немного напоить божественным словом жаждущую душу. Все это об осаде Троицкого монастыря я написал, насколько смог, по порядку.

Да не осудите меня за это, господа и братья, говоря, что в тщеславии или в гордости я вознесся, но поистине по ревности Божией, хоть и грубостью разума моего побеждаемый, взялся я за это дело с Божией мне по молитвам чудотворца помощью. Много ведь может помочь молитва праведника.

И так как писать в книге что попало по собственному произволу не следует, только, что слышали мы и своими глазами видели, о том и свидетельствуем. Не подобает ведь на истину лгать, но с великим тщанием подобает истину соблюдать. Изъяснил же я это писанием на память нам и следующим за нами родам, да незабвенны будут чудеса великих светил, преподобных отцов наших Сергия и Никона во Христе Иисусе, Господе нашем, ему же слава вовеки да будет.

РАЗЪЯСНЕНИЕ, ПО КАКОЙ ПРИЧИНЕ ТРОИЦКИЙ СЕРГИЕВ МОНАСТЫРЬ БЫЛ В ОСАДЕ

Господь никогда не перестает учить нас и прибегающих к нему принимает, отвращающихся же с долготерпением ожидает. И потому предоставил он нам жить по своей воле, чтобы, когда в сетях, не размышляя о себе, увязнем и ниоткуда помощи не найдем, вскоре к Нему очи ума возвели мы и оттуда помощь получили. Так, сначала попустил Господь Бог владеть нами попирателю иноческого чина расстриге Григорию Отрепьеву, назвавшемуся царским сыном Дмитрием Ивановичем всея Руси и на царский престол взошедшему: и в скором времени тот Григорий, достойную месть получив от Бога, умер лютою смертью.

Потом на то же место другой назвался. И доходит до самого царствующего града Москвы, но не принят оказывается. Повсюду же в России слух о нем прошел, и потому все воры к нему собрались: не на царский престол его возвести, но все древние царские сокровища расхитить. Вся Россия от ложных царей мучительно страдает, и богатство всех городов для царей отнимают. Людей же из окрестных мест всюду меч поедает. Всей России царем Василий Иванович называется, тушинским же вором все Российское государство разоряется.

Малое некое число городов в Поморье не соблазнилось, и те по крестному целованию держались Московского государства. Иные же по причине дальнего отстояния подчинены были врагам российским, полякам и изменникам сиверским. Труден же был путь отовсюду к Москве для всех, добра хотевших по правде, ибо обложили враги царствующий град вокруг, и хотевшие к нему пройти на всех путях побиваемы бывали. И из-за недостатка во всем необходимом в предельно бедственном состоянии был град Москва. Из него убегавшие, и не желая, число врагов пополняли, и самоуверенно по этому поводу враги веселились.

Немалое время помогали городу люди, приходившие из Живоначальной Троицы Сергиева монастыря, иногда прямо, иногда же пробираясь окольными узкими тропами и лесами, с трудом доходя до самого царствующего града и тут с избранными воинами и надежными хранителями перед всем народом всегда объявляясь. Обманщики же, убегавшие от царя Василия, всегда об этом вору с поляками сообщали и сердца этих врагов христианских ненавистью к дому Пресвятой Троицы распалили. Долгое время под Москвой они стояли и хотели ее себе покорить. Но всевидящее око нечто неведомое изволило сотворить. Всячески царь Василий им сопротивлялся: дани и оброки, по Троицкой дороге приходившие, с царства своего принимая, все воинам раздавал. Изменники же из руки его даваемое принимали, но вскоре сребролюбия ради и кровопролития к врагам перебежали. Царствующий же град Москва из-за их измены всячески колебался, но, имея уже опыт с Гришей и Петрушей, и того вора там не принимали. И отовсюду ведущие к Москве пути оказываются по причине польских нашествий закрытыми, ибо поляки часто приходили, московских посланцев побивая.

Великая же тогда польза была царствующему граду от обители чудотворца Сергия благодаря его святым молитвам. Ибо у моря на севере живущие люди, на берегах Студеного моря и Океана, царству обо всем происходящем возвещают и помогают. И из Великого Новгорода люди, и из Вологды, и с Двины-реки вплоть до моря, и с востока вся Сибирская земля и те, что за ней, — все помогали Москве. Также и из Нижегородской земли, и из Казани люди все без измены служили. И когда кому-нибудь из всех тех вышеназванных мест некуда было деться, то все они в обитель чудотворца приходили.

Тогда той великой лавры архимандрит Иоасаф и келарь старец Авраамий Палицын с прочими, добра хотевшими царствующему граду, со всем усердием великое старание в этом деле проявили. И великая помощь была от обители чудотворца всем людям, к Москве шедшим по всяким делам и в провожатых: и всякие новости им там сообщали и от них узнавали, причем, о себе заботясь и тех поддерживая, до конца монастырскую казну истощали. Вся Россия царствующему граду помогала, поскольку общая для всех беда пришла. Многие же люди, вокруг обители живущие, не только в селах, но и в

городах, пришли со всеми домочадцами в обитель чудотворца, зная об известном заступничестве там молитв чудотворца. И все вместе царствующему граду в бедах пострадали. И воинского чина люди все питались от трапезы преподобных чудотворцев; и по мере возможности всячески опасности смерти себя подвергали.

Совершавшееся дело братолюбия сильную злость в сердцах врагов и ужас вызывало: боялись, окаянные, как бы, глядя на первенствующее светило, и прочие от них не отступили и к правде не стали присоединяться. Ибо на дом великого чудотворца вся Россия, как на солнце, смотрела, и, на его молитвы надеясь, все окраины российские против врагов укреплялись. И хоть и малая искра огня божественной любви загорелась в обители чудотворца, но в конце концов великий пламень добродетели запылал. На всех ведь путях злодеи ловили людей, хотевших обители добра. И из-за этого по их коварному замыслу великая трудность создается.

Царь же Василий Иванович вскоре тогда послал послов в западные и северные страны — в Датскую землю, в Английскую и в Шведскую, сообщая об обиде своей на польского короля и на своих изменников с их ложным царем, прося помощи. И ему отделенные морем посланиями и великими дарами помогают. Шведский же король Арци-Карлус, чьи владения расположены поблизости, посуху прислал на помощь немало отборного войска. Из-за этого страх и ярость охватили сердца злочестивых еретиков. И немедленно посылают они к великому врагу христиан Александру, пану Лисовскому, пленявшему тогда земли Рязанскую, Владимирскую и Нижегородскую и другие Российские места, чтобы он со всем воинством на совет к ним и на помощь вскоре пришел. Что он и сделал вскоре: кровь пия человеческую и идя с огнем по пути от Владимира и от Переяславля, уперся он в стены дома чудотворца. Но не для того шествовал сын тьмы: одну ночь проведя, он утешился, мечом окровавливая руки; первое зло по отношению к богоносному мужу, которое он сделал, — первоначальный посад Клементьево и вокруг его жилища человеческие в воздухе дымом развеял. По его приходе народ в обители стал к мукам готовиться. Ибо трапеза кровопролития всем предоставлялась и чаша смертная всем наливалась.

О СОВЕТЕ ВОРА С ЛИТОВЦАМИ, КАК РАЗОРИТЬ ДОМ ПРЕСВЯТОЙ ТРОИЦЫ

Когда же собралось скопище сатанинское и отверзли псы уста свои, то недостижимое задумывают беззаконные, таковое говоря: «О царь великий Дмитрий Иванович! Доколе будет досаждать твоему благородству воронье это, угнездившееся во гробе каменном, и долго ли седовласые будут пакостить нам повсюду? Не только перехватывают на дорогах вестников наших посылаемые ими люди, из лесов, как звери, выходя, но ведь и мучительной смерти предают их без пощады. А сверх того повсюду имеют они многих советчиков, и все города смущают служащие им и любящие их; и всячески поддерживают они всех в непокорности твоему величеству и в

пренебрежении твоим благородием и учат служить царю Шубину, всячески распространяя писания, лживо говорящие: „Да сохранят вас всегда молитвы великих чудотворцев Сергия и Никона”. Но кто же эти Сергей и Никон? Вот, захватили мы всех вас вместе, как гнездо птичье, и все раздавлены нами, как птенцы. А эти что против такого множества покорившихся нам? Тебе ведь, о великий российский браздодержец, и самому известно, также и нам, что и из самых царских палат многие, став чернецами, тут живут. И если ты будешь так же не обращать на них внимания, они всегда смогут пакости устраивать нам. Слух же истинный до всех нас дошел, что ждут они князя Михаила Скопу с черными псами, шведскими немцами, и Федора Шереметева с понизовскими людьми. И тогда все они, вместе собравшись и твердыню эту заняв, смогут оказаться нашими победителями. И пока они еще не укрепились, да повелит твое благородие полностью смирить их. И если они не одумаются, пустим по воздуху прахом все жилища их».

Весьма похваляясь, берется за это тезоименитый гнусавому гетман Сапега с подручным своим воинством и всегорький Александр Лисовский с русскими ворами. И тут они в злой путь спешно отправляются.

ПРИХОД ПОД ТРОИЦКИЙ СЕРГИЕВ МОНАСТЫРЬ ПАНОВ ПОЛЬСКИХ И ЛИТОВСКИХ И РУССКИХ ИЗМЕННИКОВ, ГЕТМАНА ПЕТРА САПЕГИ, ПАНА АЛЕКСАНДРА ЛИСОВСКОГО И ИНЫХ МНОГИХ

В год 7117-ый (1609), в царство благоверного и христоролюбивого царя и великого князя Василия Ивановича всея Руси и при святейшем патриархе Гермогене Московском и всея Руси, Пресвятой же и Пребезначальной Троицы Сергиева монастыря при архимандрите Иоасафе и при келаре старце Авраамии Палицыне, по попущению Божию за грехи наши, сентября в двадцать третий день, в Зачатие честного и славного пророка и предтечи, крестителя Господня Иоанна, пришел по Московской дороге под Троицкий Сергиев монастырь литовский гетман Петр Сапега и пан Александр Лисовский с польскими и литовскими людьми и с русскими изменниками.

И когда был он на Клементьевском поле, находившиеся в осаде люди, выйдя за стены, конные и пешие, с ними великий бой совершили и по милости Пребезначальной Троицы многих литовских людей побили, а сами в город здоровыми возвратились.

Богоотступники же, литовские люди и русские изменники, это увидев, закричали мерзкими голосами, быстро и грозно окружая со всех сторон Троицкий Сергиев монастырь. Архимандрит же Иоасаф и весь освященный собор со множеством народа вошел в святую церковь Святой Живоначальной Троицы, к образу Пресвятой Богородицы и к многоцелебным мощам великого чудотворца Сергия, молясь со слезами об избавлении. Городские же люди предали огню находившиеся вокруг обители слободы и всякие службы, чтобы они не служили врагам жилищем, и была у

тех большая теснота. Гетман же Сапега и Лисовский, осмотрев места, где им с войсками своими стоять, и разделившись, начали строить себе станы и поставили два острога, а в них возвели многие укрепления и все пути к обители заняли, и оказалось никому невозможно пройти, минуя их, ни в дом, ни из дома чудотворца.

ОБ УКРЕПЛЕНИИ ОБОРОНЫ

Бывшие же в осаде воеводы, князь Григорий Борисович Долгорукий и Алексей Голохвастов, и дворяне постановили с архимандритом Иоасафом и с соборными старцами, что следует укрепить стены для обороны и всех людей привести к крестному целованию, а главными быть старцам и дворянам, и разделить городские стены, башни, ворота, и орудия установить по башням и в подошвенных бойницах, и чтобы каждый знал и охранял свою сторону и место и все, что для боя необходимо, приготовил бы, и с идущими на приступ людьми бился бы со стены, а за стены и на иную ни на какую службу не выходил бы. А для вылазок и в подкрепление к местам приступов людей особо назначают.

В праздник же, светло торжествуемый, памяти преподобного отца нашего Сергия чудотворца, сентября в двадцать пятый день, ничего той ночью другого не было слышно из среды находящихся в городе людей, кроме вздохов и плача, потому что многие из окрестностей туда сбежались, думая, что вскоре минует эта великая беда. И такая теснота была в обители, что места не было свободного. Многие же люди и скотина остались без крова; и тащили бездомные всякое дерево и камень для устройства прибежищ, потому что осени настало время и приближалась зима. И друг друга отталкивали от вещи брошенной, и, из нужного ничего не имея, все изнемогали; и жены рожали детей перед всеми людьми. И невозможно было никому со своей срамотою нигде укрыться. И всякое богатство не береглось и ворами не кралось; и всякий смерти просил со слезами. И если бы кто и каменное сердце имел, и тот, видя эти тесноту и напасти, расплакался бы, ибо исполнилось на нас сказанное пророком слово: «Праздники ваши светлые в плач вам обрацу и в сетование, и веселие ваше в рыдание».

О ВИДЕНИИ СТОЛПА ОГНЕННОГО

Тогда некоторые старцы и многие люди видели знамение не во сне, а наяву. Один из них, священноинок Пимен, в ту ночь на память Сергия чудотворца молился Всемилостивому Спасу и Пречистой Богородице. И вот в оконце его кельи свет засиял. Когда же он взглянул на монастырь, то увидел, что светло, будто пожар, и подумал, что враги зажгли монастырь. Тотчас же он вышел на рундук келейный. И видит над главой церкви Святой Живоначальной Троицы огненный столп, стоящий до самой тверди небесной. Священник Пимен очень испугался страшного видения и вызвал братию свою из кельи: дьякона Иосифа да дьякона Серапиона и из иных келий старцев

многих и мирян. Они же, глядя, дивились тому знамению. И вскоре огненный столп начал опускаться и свился в клубок, как огненное облако, и вошел в окно над дверьми в церковь Пресвятой Троицы.

О КРЕСТНОМ ЦЕЛОВАНИИ

Когда же завершились всенощное славословие и молебны, тут же собралось множество народа и по решению начальников и всех людей было целование креста, — клялись сидеть в осаде без измены. Первыми воеводы, князь Григорий Борисович Долгорукий и Алексей Голохвастов, целовали Животворящий Крест Господень у раки чудотворца, затем дворяне и дети боярские, слуги монастырские, стрельцы и все христоролюбивое воинство, и все православные христиане. И с той поры царило в городе братолюбие великое, и все с усердием без измены сражались с врагами. И тогда литовские люди поставили стражу во множестве вокруг Троицкого монастыря, и не было проходу ни из крепости, ни в крепость.

О ЗАМЫСЛЕ ПАНОВ

Того же месяца в двадцать девятый день польские и литовские люди с первосоветниками своими, русскими богомерзкими отступниками, тщательно размышляли и советовались о недостижимом. «Каким образом, — говорили они, — сможем мы взять Троицкий Сергиев монастырь или какой хитростью уловить их можем?» И такой вопрос обсуждают: не взять ли его приступом, так как некрепка, говорят, стена и невысока; иные же советовали просить монастырь у воевод и у народа с лаской и угрозой. «Если же и так не уговорим их, то каждый из нас поведет свой подкоп под крепостную стену, и мы сможем взять крепость без крови». Так они и постановили делать. На себя ведь они надеялись, а не на Бога живого, царящего вечно. Как написано: «Да не хвалится сильный силою своею», ибо все, надеющиеся на свою силу, погибли. Воистину «суетен всякий человек» и «суетно стремление его». И еще: «Избавлю избранника моего от оружия лютого» и «осеню голову его в день брани».

Так они советовались и ни в чем не преуспели, понапрасну трудились, ибо без Божьей помощи ничего не может сотворить человек, ибо Бог творит, как хочет, и воле его кто воспротивится? Приняв такое решение, гетман Сапега и Лисовский в двадцать девятый день прислали в крепость, в Троицкий Сергиев монастырь, сына боярского Бессона Руготина с посланием, также и к архимандриту с братией с угрозами, такого содержания:

Грамота

«От великого гетмана Петра Павловича Сапеги, маршалка и секретаря Кирепецкого и Трейсвятского и старосты Киевского, и пана Александра Ивановича Лисовского в крепость, в Троицкий Сергиев монастырь, воеводам, князю Григорию Борисовичу

Долгорукому и Алексею Ивановичу Голохвастову, дворянам, детям боярским, слугам монастырским, стрельцам, казакам и всем осажденным людям, народному множеству. Пишем к вам, милуя и жалуя вас: покоритесь великому государю вашему, царю Дмитрию Ивановичу, сдайте нам крепость. Весьма пожалованы будете вы от государя царя Дмитрия Ивановича. Если же не сдадите, то знайте, что не для того мы пришли, чтобы, не взяв крепости, отойти прочь. Тем более что сами знаете, сколько городов царя вашего московского мы взяли; и столица ваша Москва осаждена, и царь ваш сидит в осаде. Мы же пишем к вам, жалея ваше благородство. Помилуйте сами себя: покоритесь великому имени, государю нашему и вашему. И если сделаете так, будет милость и ласка к вам государя царя Дмитрия, какими ни один великий из вас у вашего царя Василия Шуйского не пожалован. Пощадите благородство свое, отнеситесь разумно к нам. Не предайте себя лютой и безвременной смерти; сохраните себя, и еще раз — сохраните сами себя и прочих. Если же вслед за этой лаской увидите лицо наше — а мы пишем вам по царскому слову и со всеми избранными панами подтверждаем, — то не только в Троицкой крепости наместниками вы будете нашего и вашего прирожденного государя, но и многие города и села он подаст вам в вотчину, — если сдадите крепость, Троицкий монастырь. Если же и этому не покоритесь, милости нашей и ласки, и не сдадите нам крепости, а даст Бог мы возьмем её, то ни один из вас в крепости милости от нас не увидит, но все умрут страшно».

Также и архимандриту пишут: «А ты, святитель Божий, старейшина монахов, архимандрит Иоасаф, припомни жалование царя и великого князя Ивана Васильевича всея Руси, какую милость и ласку оказывал он Троицкому Сергиеву монастырю и вам, монахам, великое жалование. А вы, беззаконники, все то презрели, забыли сына его, государя царя Дмитрия Ивановича, а князю Василию Шуйскому доброхотствуете и учите в Троицкой крепости воинство и весь народ стоять против государя царя Дмитрия Ивановича, и позорить его, и облаивать непотребно, и царицу Марину Юрьевну, и нас. И мы тебе, святитель архимандрит Иоасаф, свидетельствуем и пишем по царскому слову: запрети попам и прочим монахам, пусть не учат воинство не покоряться царю Дмитрию, но молитесь за него Бога и за царицу Марину. А нам крепость отворите без всякой крови. Если же не покоритесь и крепость не сдадите, то мы сразу же, взяв замок ваш, вас, беззаконников, всех порубим».

Архимандрит же Иоасаф с братией и воеводами и все воинство, видя лукавую лесть и что хотят те всячески разорить дом Пресвятой Троицы, все вместе смиренно с плачем и рыданием молили Господа Бога об избавлении крепости, говоря так: «Надежда наша и упование, Святая Живоначальная Троица, стена наша, заступница и покров, Пренепорочная Владычица Богородица и Приснодева Мария, и пособники наши и молитвенники к Богу о нас, преподобные отцы наши великие чудотворцы Сергей и Никон!» Этими-то словами и благоразумными советами в богоспасаемой крепости, в

Троицком монастыре, благодать Божия с упованием всем сердца на подвиг тверже алмаза укрепила.

ОБ ОТВЕТНОМ ПИСЬМЕ ПОЛЯКАМ И ВСЕМ ИЗМЕННИКАМ

Воеводы же с архимандритом и с прочими соборными старцами и дворянами и со всеми воинскими людьми постановили и на их льстивую грамоту составили к Сапеге и Лисовскому такое письмо:

«Да знает ваше темное господство, гордые начальники Сапега и Лисовский и прочая ваша дружина, что напрасно нас, Христово стадо православных христиан, прельщаете вы, богоборцы, мерзость заустения. Знайте, что и десятилетний христианский отрок в Троицком Сергиевом монастыре посмеется вашему безумству и совету. А то, о чем вы нам писали, мы получив это, оплевали. Ибо есть ли польза человеку возлюбить тьму больше света и променять истину на ложь, честь на бесчестие и свободу на горькое рабство? Как же оставить нам вечную святую истинную свою православную христианскую веру греческого закона и покориться новым еретическим законам отступников от христианской веры, которые прокляты были четырьмя вселенскими патриархами? Есть ли какое-нибудь приобретение и почесть в том, чтобы оставить нам своего православного государя и покориться ложному царю, врагу и вору, и вам, латиняне, иноверным, и быть нам вроде жидов или хуже их? Ведь те, жиды, не познав, распяли своего Господа, мы же знаем своего православного государя, под чьей царскою христианскою властью от прародителей наших родились мы в винограде истинного пастыря Христа, как же повелеваете нам оставить христианского царя? И ложною ласкою, и тщетной лестью, и суетным богатством прельстить нас хотите. Но мы и за богатства всего мира не хотим нарушить своего крестного целования».

И затем с теми грамотами отослали в таборы.

ОБ УСТАНОВКЕ ОКОЛО КРЕПОСТИ СТЕНОБИТНЫХ ОРУДИЙ

Того же месяца в тридцатый день богоборцы Сапега и Лисовский, получив ответное письмо и увидев, что не покорились им люди в крепости, и, исполнившись ярости, повелели всему своему литовскому и русскому воинству приступать к крепости со всех сторон и вступать в бой. Люди же из крепости крепко с ними бились, тогда Сапега и Лисовский повелели прикатить туры и поставить орудия. И той ночью прикатали многие туры и поставили орудия. Первые за прудом на горе Волокуше; вторые тоже за прудом возле Московской дороги; третьи за прудом же в Терентьевской роще; четвертые на Крутой горе против мельницы; пятые туры поставили на Красной горе против Водяной башни; шестые поставили на Красной горе против погребов, Пивного двора и келаревых келий; седьмые по Красной же горе против келарских и казенных палат; восьмые же в роще тоже на Красной горе против Плотничьей башни; девятые

туры поставили на Красной же горе возле Глиняного оврага, против башни Конюшенных ворот. И возле туров выкопали большой ров, из роци от Келарева пруда и до Глиняного оврага, и насыпали высокий вал, так что за тем валом, укрываясь, ходили конные и пешие люди.

О НАЧАЛЕ СТРЕЛЬБЫ ПО КРЕПОСТИ

Месяца октября в третий день начали бить из-за всех туров, и били по крепости шесть недель беспрестанно из всех орудий и из верховых, и раскаленными железными ядрами. Обитель же Пресвятой и Живоначальной Троицы была покрыта десницею вышнего Бога, и нигде ничего не загорелось. Ибо огненные ядра падали на пустые места, в пруды и в выгребные ямы, а раскаленные железные ядра извлекали из деревянных домов, пока они не успевали причинить вреда. А какие, застрявшие в стенах, не замечали, те сами остывали. Но воистину дело то было промыслом Самого предвечного Бога Вседержителя, который творит преславное ему известными неизреченными своими путями. Бывшие на стенах крепости люди, не имея возможности стоять, прятались за стены: ибо из рвов и из углублений в промежутки между зубцами были прицелены пищали. И так люди стояли, не отступая, ожидая приступа, и ради того одного и крепились. А кто был в башнях у пушек, те терпели великую тяготу и мучения от стрельбы. Ибо стены городские тряслись, камни рассыпались, и все жестоко страдали. Но удивительно при этом все Богом устраивалось: во время стрельб все видели, как плинфы рассыпались и бойницы и стены сотрясались, ибо стрельба велась с утра и до самого вечера по одной мишени, но стены всё оставались нерушимыми. Враги об этом часто сообщали, говоря: «При стрельбе мы всегда видим огонь, исходящий от стен, и удивляемся тому, что искры сыплются не от камня, а от глины».

И были в крепости тогда теснота большая, скорбь, беды и напасти. И у всех, тогда оказавшихся в осаде, сердца кипели кровью, но полезного дела, которое они начали, они не прекращали. Смерти они ожидали, но на Господа Бога упование возлагали и всячески врагам сопротивлялись. А еще ругались богоборцы лютеране, собачьими своими языками богохульные слова говоря, чтобы не имели они никакой надежды на Господа Бога. «Не сможете вы, — говорили они, — избежать рук наших никак». Также поносили они имя великого чудотворца Сергия и иной многий и богохульный вздор говорили.

О МОЛИТВЕ АРХИМАНДРИТА И ВСЕХ, НАХОДЯЩИХСЯ В ОСАДЕ

Боголюбивый же пастырь, архимандрит Иоасаф, и весь священный собор, и все православное христианство стояли в церкви Пресвятой Живоначальной Троицы, со слезами так восклицая: «Господи Боже наш, бессмертный и безначальный, Создатель всей твари видимой и невидимой, нас ради, неблагодарных и злонравных, сошедший с

небес и воплотившийся от Пречистой Девы и кровь свою за нас проливший, призри и ныне, Владыка Царь, из святого жилища твоего и приклони ухо твое и услышь слова наши, вконец погибающих. Ибо согрешили мы, Господи, согрешили всякими постыдными делами и недостойны взглянуть на высоту славы твоей. Разгневали твою щедрость, не послушали твоих повелений и, как безумные, от твоей к нам милости отворотились и на злодеяние и беззаконие обратились, с ними же далеко от тебя отступили. Все это, что ты навел на нас и на обитель твою праведным и истинным судом, сотворил ты из-за грехов наших; и не можем мы уст открыть и сказать что-либо; но все же, о всепетый и всеблагословенный Господь, не предай нас до конца врагам нашим, и не разори достояния твоего, и не лиши нас милости твоей, но дай нам послабление во время это. Сам ты, Владыка, сказал: „Я пришел не праведных спасти, но грешников призвать на покаяние”, чтобы обратились они и живы были. Господи Иисусе Христе, Царю Небесный, сделай нам послабление и не оставь нас ныне ради Пресвятой и Пречистой Богоматери твоей и молитв ради святых праведных отцов наших, теплых заступников Сергия и Никона чудотворцев, прежде благоугодивших твоему владычеству в святой обители сей».

Также и Пренепорочной Богородице из глубины сердца со стонами и рыданием во все дни и ночи так они молились: «О, Всенепорочная Владычица Богородица, человеколюбивая естеством, не оставь ты эту святую обитель, как и обещала при явлении своему преподобному отцу нашему чудотворцу Сергию; и да познаем мы ныне, в это, Владычица, время, истинную неложность слов твоего обещания, и как Мать Христа Бога и заступница рода христианского сохрани нас и помилуй по великой твоей милости, да возвеличится великолепное имя твое во все века, аминь!»

Архимандрит же Иоасаф повелел всем священникам наставлять своих духовных детей, чтобы те каялись, сохраняли чистоту и делали только благие дела. И тогда все люди исповедовались Господу и многие Пречистых Христовых Тайн причащались. Литовские же люди и русские изменники и денно и ношно помышляли о взятии города.

О РВЕ И ПОДКОПЕ

Того же месяца октября в шестой день они повели ров из-под горы от мельницы возле надолб на гору к Красным воротам и к надолбам, покрывая его досками и на них насыпая землю. И довели ров до верха горы против Круглой башни.

Того же месяца в двенадцатый день они повели из того рва подкопы под Круглую угловую башню против Подольного монастыря.

О ПРИГОТОВЛЕНИИ К ПРИСТУПУ, О ПИРШЕСТВЕ И ОБ ИГРАХ

Того же месяца в тринадцатый день Сапега устроил великий пир для всего своего войска и для крестопреступников, русских изменников. И весь день бесились они, играя и стреляя, а к вечеру начали многие люди скакать со знаменами на своих конях по всем Клементьевским полям и по монастырским вокруг всего монастыря. Потом и Сапега вышел из своего табора с большими вооруженными полками и стал со своим полком у туров за земляным валом против погребца, Келарской и Плотничьей башен и до Благовещенского оврага, а полки Александра Лисовского — по Терентьевской роще до Сазонова оврага, по Переяславской и Угличской дорогам и за Воловьим двором до Мишутина оврага. Из орудий же они били по городу из-за всех туров, из многих пушек и пищалей, беспрестанно.

О ПРИХОДЕ К КРЕПОСТИ ПЕШИХ ЛЮДЕЙ

Той же ночью в первом часу множество пеших людей, литовцев и русских изменников, устремилось к монастырю со всех сторон с лестницами, со щитами и с турусами рублеными на колесах, и, заиграв во многие трубы, они начали приступ крепости. Люди же в крепости бились с ними с крепостных стен, били также из многих пушек и пищалей и, насколько могли, много побили литовцев и русских изменников. И так милостью Пребезначальной Троицы и по молитвам великих чудотворцев не дали им тогда подойти близко к крепости и причинить стенам какого-либо вреда. И они, своим пьянством загубив многих своих, отошли от крепости. Турусы же, щиты и лестницы они побросали. Наутро вышедшие из крепости люди внесли все их в крепость и, пищу на них готовя, предали огню.

Но литовцы и русские изменники, продолжая таким же образом подходить, досаждали бывшим в крепости, нападая на крепость семь дней без отдыха. А иногда они подъезжали к крепости со страшными угрозами и руганью, иногда же, льстя, просили сдать крепость и показывали множество воинов, чтобы бывшие в крепости убоялись. И чем больше враги пугали их, тем больше находившиеся в крепости крепились против них. Так окаянные лютеране и русские изменники понапрасну трудились и ни в чем не преуспели, только многих своих погубили.

Архимандрит же Иоасаф со всем священным собором в те дни был во святой великой церкви, со слезами моля Бога и Пречистую его Богоматерь и призывая на помощь великих чудотворцев Сергия и Никона для помощи и укрепления против врагов, со слезами говоря: «Господи Боже, помоги нам, вконец погибающим, и не отринь людей твоих до конца и не предай достояния твоего в поношение злым еретикам, да не скажут: „Где есть надежда их, на которую они уповают?“, но да узнают, что ты Бог наш, Господь Иисус Христос, в славу Богу Отцу, аминь».

И, взяв честные кресты и чудотворную икону Богоматери с Превечным Младенцем и иконы прочих святых, обходили они по стенам всю крепость, молясь со слезами.

О ПРИХОДЕ ЛИТОВЦЕВ НА КАПУСТНЫЙ ОГОРОД

Того же месяца в девятнадцатый день литовские люди пришли на огород брать капусту. Из крепости же, увидев, что немного людей литовских, не по воеводскому повелению, но по своей воле, спустившись некоторые со стен крепостных по веревкам, литовских людей побили, а иных переранили. В то время в литовские полки убежал служка, детина Оська Селевин.

О ВЫЛАЗКЕ

Воеводы же, князь Григорий и Алексей, устроили вылазку из монастыря на литовских людей конными и пешими людьми. Один полк пошел на Капустный огород по плотине верхнего пруда к Служней слободе, другой полк — за токарню на Княжее поле и за Конюшенный двор. Пешие же люди пошли с конными на Красную гору за овраг, к турам. В то же время троицкий служка Оська Селевин, забыв Господа Бога, убежал в литовский полк. Литовцы же и изменники русские, видя троицкое воинство, вышедшее из крепости, тут же яростно устремились ему навстречу. И с обеих сторон многие испили смертную чашу. У туров у литовских орудий побили и поранили немало стрельцов, казаков, и даточных людей, и старшину у них, троицкого слугу Василия Брехова, ранили, его еще живым внесли в монастырь с прочими убитыми и ранеными. Архимандрит же Иоасаф повелел живых постричь и причастить Святых Тайн Тела и Крови Христа, Бога нашего. И так, исповедавшись, они предали души свои в руки Господа. И, священным собором отпев надгробные песнопения, погребли их с честью.

О ЯВЛЕНИИ ЧУДОТВОРЦА СЕРГИЯ, О ПРИСТУПЕ И О ПОДЖОГЕ ПИВНОГО ДВОРА

В воскресный день после утреннего пения пономарь Иринарх сел отдохнуть и забылся сном. И вдруг он видит, что в келью его вошел великий чудотворец Сергей и слышит, как тот говорит ему: «Скажи, брат, воеводам и ратным людям: сейчас к Пивному двору будет очень тяжелый приступ, они же да не ослабевают, но с надеждою дерзают». И он видел святого, ходившего по крепости и по службам, кропившего святой водой монастырские строения.

После предупреждения чудотворца, с воскресенья на понедельник в третьем часу ночи, когда никто не ожидал, загремело множество орудий, и многочисленное воинство литвы с громким криком со всех сторон устремилось к крепостным стенам. Против же Пивного двора, взяв множество вязанок дров, хвороста, соломы, смолы с берестой и порохом, они зажгли острог у Пивного двора. И от того огня стали видимы все полки. Со стен же крепости и с Пивного двора из-за турусов, из пушек и из пищалей много

побили литовцев, и огни их погасили, и острог подсечь не дали. Также и по другим стенам крепости и с башен, козы с огнем спуская, многих литовских людей побили, потому что они подошли близко к крепости.

О ПОБЕГЕ ЛИТВЫ ИЗ ИХ РВОВ

Когда же настал день памяти святого великомученика Дмитрия Солунского, в первом часу ночи архимандрит Иоасаф со всем священным собором, и иноки, и весь народ, взяв честные кресты и чудотворные иконы, обходя по стенам крепость, творили литию и моление воссылали ко Всемогущему в Троице славимому Богу и Пречистой Богоматери. Когда же литовские люди из рвов увидели ходящих по стенам крепости во множестве людей, напал на них страх великий, и испугались, и побежали они из рвов и из ям в свои таборы.

О ВЫЛАЗКЕ И ПОИМКЕ ПАНА БРУШЕВСКОГО

Воеводы, князь Григорий и Алексей, со всем христоролюбивым воинством, отпев соборно молебен, устроили вылазку на Княжее поле в Мишутинский овраг на заставы ротмистра Брушевского и на Суму с товарищами. И Божиею помощью заставу они побили и ротмистра Ивана Брушевского взяли, а ротмистра Герасима и его роту побили на Княжем поле, а Сумину роту топтали до Благовещенского оврага. Враги же, увидев падение своих, вскоре пришли многими полками конные и пешие. Но бывшие в крепости люди, мало-помалу отходя, все вошли в крепость здоровыми и совершенно невредимыми. Архимандрит же со священным собором, отпев молебны со звоном, воздали благодарственные хвалы Всемогущему Богу. Пан же Брушевский при допросе под пыткой сказал, что подлинно ведут они подкопы под крепостную стену и под башни. А под какое место ведут подкопы, того, сказал, не ведает. «А хвалятся-де наши гетманы, что возьмут замок, Сергиев монастырь, и огнем выжгут, а церкви Божии до основания разорят, а монахов всякими различными муками замучат, а людей всех побьют. А не взяв монастыря, прочь не отойдут. Хоть и год стоять будут, или два, или три, а монастырь решили взять и до основания разрушить».

Богоборцы тогда весьма разъярились и начали бывшим в крепости очень досаждать и залегли по ямам и по плотинам прудовым, не давая бывшим в крепости людям ни воды зачерпнуть, ни скота напоить. И была в крепости теснота и скорбь великая и волнение было большое среди осажденных людей.

О СЛУХАХ

Воеводы же, посоветовавшись с архимандритом Иоасафом, с братией и со всеми людьми воинского чина, повелели в крепости под башнями и в стенных нишах копать землю, а троицкому слуге Власу Корсакову делать частые слухи, ибо тот был в этом деле очень искусен. И он за это дело взялся. А вне крепости от Служней слободы

повелели копать глубокий ров. Литовцы же, увидев копающих ров, в начале первого часа дня вдруг прискочили ко рву во множестве пешие, сильно вооруженные, и начали жестоко избивать православных христиан. Из крепости же прицелены были на то место многие пушки и пищали и побили литовцев много. К тому же из крепости поспешили многие люди воинского чина и множество их побили и многих живыми взяли и в крепость ввели. Литовцам не понравились из крепости частые подарки, и, тыл показав, они возвратились вспять.

О ДОПРОСЕ ПЛЕННЫХ И О ЧИСЛЕ ЛИТОВСКОГО И ИЗМЕННИЧЬЕГО ВОИНСТВА

Воеводы же повелели новопойманных языков пытать и разузнавать у них вопросами и пытками об их замыслах и о количестве их воинства. Те же сказали, что действительно гетманы их надеются крепость взять подкопами и упорными приступами. А подкопы уже повели под башни и под крепостную стену в двенадцатый день октября. А к какому месту ведут, того они не знают. А командующих панов — князь Константин Вышневецкий, да четыре брата Тышкевичи, пан Талипский, пан Велемовский, пан Козоновский, пан Костовский и других двадцать панов; а ротмистров: Сума, Будило, Стрела и других тридцать ротмистров; а людей воинского чина: с Сапегою — польские и литовские люди, жолнеры, подольские люди, гусары русские, прусские, жемоцкие, мазовецкие, а с Лисовским — дворяне и дети боярские из многих разных городов, татар много, и черкесы запорожские, казаки донские, волжские, северские, астраханские. И всего войска с Сапегою и с Лисовским — до тридцати тысяч, кроме черных людей и пленных.

О ИЗБИЕНИИ БЫВШИХ В КРЕПОСТИ ЛЮДЕЙ И О ВЕЛИКОМ УЖАСЕ В КРЕПОСТИ

Месяца ноября в первый день, на память святых бессребреников Козьмы и Демьяна, во втором часу дня из крепости устроили вылазку на конях и пешими людьми на литовских людей. Бог же попустил грехов ради наших, и потому расхрабрились на нас враги и побили и поранили многих вышедших из крепости людей, постаравшихся положить свои головы за святую православную веру и за обитель преподобного отца нашего чудотворца Сергия. И в том бою убили почтенного слугу Копоса Лодыгина из пушки, и дал ему Бог в иноческом чину преставиться. Тогда же на вылазке из-за грехов наших побили и поранили троицких всяких людей сто девяносто человек, да в плен взяли у подкопного рва старца священника Левкию, да трех служилых людей, да московского стрельца, да двух клементьевских крестьянских детей.

Архимандрит же раненых повелел постричь, и, причастившись Тела и Крови Христа, Бога нашего, они преставились в вечные обители. И погребли их с честью, соборно отпев над ними надгробные песнопения. А живых раненых повелел лечить и содержать за счет монастырской казны. Еретическое же исчадие и изменники русские страшней

прежнего нападали на крепость. Тогда были в крепости у всех православных христиан скорбь великая, плач великий и ужас из-за подкопов, потому что слух в уши всех людей разошелся, что ведут литовские люди подкопы, а о том допытаться не могут, под которую стену или башню ведут. И тогда все смерть свою, каждый перед своими глазами, видели и, прибегая к церкви Живоначальной Троицы и к целебноносным мощам горячих заступников наших великих чудотворцев Сергия и Никона, все на покаяние к Богу обратились, исповедуясь Господу и отцам своим духовным. Некоторые же причастились Тела и Крови Господних, готовясь к смерти.

О ТОМ, КАК ИНОКИ ОБОДРЯЛИ

Добродетельные же иноки, обходя по всей крепости, молили христолюбивое воинство и всех людей, говоря: «Господа и братья, пришел час прославить Бога и Пречистую его Матерь, и святых великих чудотворцев Сергия и Никона, и нашу православную христианскую веру! Мужайтесь и крепитесь и не ослабевайте в трудах, не оставляйте надежды, да и нас помилует и прославит Всещедрый Господь Бог! Не унывайте в скорбях и бедах, нашедших на нас! Но возложим упование на Бога и на молитвы великих наших заступников Сергия и Никона, и увидим славу Божию! Ибо Тот может избавить нас от рук всех врагов наших. Если же, братья, кто и пострадает ныне, в это время, будет он для своего Господа мучеником, потому что пострадал за превеликое его имя!» Так они укрепляли всех православных христиан, бывших на стенах крепости. И благодаря этому все больше расхрабрились, крепко сражаясь со своими врагами.

Воеводы же повелели стрельцам и всем добровольцам тайно выходить ночью из крепости ради поимки языков по ямам и во рвах, которые те выкопали близ крепости. И милостью Божией много языков поймали они и привели в крепость. Подкопного же места никак не могли у них дознаться: все говорили, что есть подкоп, а под которое место ведут, того не ведают.

О ПРИСТУПЕ

Того же месяца во второй день в третьем часу ночи в литовских полках был большой шум и заиграли во все трубы, и пошли на приступ к крепости, как и прежде. Бывшие же в крепости люди крепко с ними бились, не давая им приступить к крепости.

О ЯВЛЕНИИ СЕРГИЯ ЧУДОТВОРЦА АРХИМАНДРИТУ ИОАСАФУ

В то время в церкви Пресвятой Троицы архимандрит Иоасаф задремал, и вот внезапно видит он святого и блаженного отца нашего Сергия, великого чудотворца, стоящего против чудотворного образа Святой Живоначальной Троицы, руки свои воздевшего вверх и молящегося со слезами Святой Троице. И обратился святой к архимандриту и сказал ему так: «Брат, встань, — это время пения и час молитвы; „бдите и молитесь, да не войдете в напасть". Господь Всесильный по многой своей щедрости помиловал вас и

подаст вам еще время, да в покаянии поживете». Архимандрит же Иоасаф, одержимый сильным страхом, поведал об этом явлении всей братии.

Надменные же от гордости литовские люди тяжело и беспрестанно нападали на Троицкую крепость, прикатив к крепости много туров и турусов. Из крепости же ударили из многих пушек и пицалей по их щитам и турусам, которые были близ стен, и много литовских людей побили. Когда же настал день, из крепости вышли конные и пешие люди и от крепости литовских людей отогнали. Те же побежали, гонимые Божиим гневом. Бывшие же в крепости люди их осадные приспособления все предали огню, а иные внесли в крепость.

В четвертый день того же месяца ночью литовцы снова своим делом промышляли, но издалека, а ко рву и к стенам близко подходить не смели. Из крепости же вышли пешие люди к литовским людям к Нагорному пруду за надолбы близко к подкопному рву. Литовцы же и русские изменники, встав из ровов и из ям, как демоны, напали на вышедших из крепости людей и учинили великий бой. В том бою убили троицкого слугу Бориса Рогачева и поранили многих слуг, стрельцов и казаков; тогда же взяли в плен раненого Деდიловского казака. На допросе под пыткой он сказал, что действительно подкопы заканчивают, а на Михайлов день хотят заложить под стены и под башни порох.

Воеводы водили его по крепостной стене, и он в точности указал все места, под которую башню и городскую стену ведут подкопы. И, изнемогая от многих ран, он начал умирать. И возопил громким голосом со слезами и рыданием: «Сотворите мне, виновному и бедному человеку, великую милость, дайте мне, Бога ради, отца духовного, сподобьте меня быть причастником Святых Христовых Тайн!» Архимандрит же Иоасаф повелел его, исповедав, причастить Святых Христовых Тайн.

Воеводы же в крепости повелели против мест подкопов от Подольной стены до Святых ворот поставить острог, насыпать турусы и установить орудия.

ОБ ИВАНЕ РЯЗАНЦЕ

Той же ночью пришел в Троицкий монастырь выходец из табора Лисовского казак Иван Рязанец из станицы атамана Пантелеймона Матерого и сказал, что подкопы в самом деле готовы под нижнюю Круглую башню.

И тот же казак Иван Рязанец рассказал такую историю: «Произошло, дескать, в прошлую ночь с субботы на воскресенье: было явление атаманам и казакам, а сказывал атаман наш Пантелеймон Матерый, также и из нас многие видели своими глазами, и иных станиц атаманы и казаки многие то же видение видели и слова старца слышали твердые с запрещением. Видели они ходивших вокруг крепости по стене двух старцев — бороды седые, светозарные образом, так что быть им по образу и по подобию

великими чудотворцами Сергием и Никоном. Один в руке имел золотую кадильницу, а под кадильницей Животворящий Крест и, кадя обитель свою, ограждал стены крепости Честным Животворящим Крестом. Второй держал в правой своей руке кисть вроде кропила, а в другой руке чашу. И, кропя святою водой стены и все прочее в обители, он пел своими устами громким голосом тропарь „Спаси, Господи, люди своя” и кондак „Вознесшийся на крест”, — оба до конца. И, обратившись к нашим полкам, преподобный — от его лица сиял неизреченный свет, паля, как огонь, — сказал с яростью, сурово грозя: „О злодеи законопреступники! Зачем вы сошлись разорить дом Пресвятой Троицы, осквернить в ней Божии церкви и погубить иночествующих и всех православных христиан? Не даст вам Господь жезла на свой жребий!” Наши же окаянные казаки и литовские люди стреляли по ним из луков и из самопалов, но наши стрелы и пульки, от них отскакивая, возвращались к нам и многих поражали; и многие люди в наших полках, раненные теми пулками, померли, извещая тем самым о большом чуде Бога, прославляющего своих угодников». Той же ночью и во сне явился чудотворец Сергей атаманам и многим казакам.

Тем же образом явился он гетману, начальствующим панам и ротмистрам, сурово предупреждая и так говоря: «Я сотворю на вас, злодеев, мольбу Вышнему Царю, и вы будете осуждены вовеки мучиться в геенских муках». И было, будто молния ударила и грома страшные загремели, и с востока потекла великая река, а с запада и с юга появились два великих озера, и сошлись все три воедино; и поднялась вода, как гора великая, и потопила все полки литовские, и все совершенно пропали. Наутро же Сапега и Лисовский, встретившись вкупе со всеми русскими изменниками, рассказывали друг другу свои сны и говорили: «Что такое должно произойти? Многие воды потопили наши полки!» Тогда предстал пред ними донской атаман Стефан Епифанец из станицы Смаги Чертенского, имевший в своей власти войско из пятисот казаков, и сказал им: «Великие гетманы, я скажу вам: такие сны не к добру бывают. Это знамение являет преподобный Сергей чудотворец: то не водам повелевает он нас потопить, но множество православных христиан вооружит на нас. И великое падение ждет наших людей». Литовские же люди, услышав это, были объаты великой кручиной и договаривались с казаками его убить, говоря, что «этот человек возмущает наши полки и пугает людей воинского чина». Стефан же и казаки, узнав об этом, собрались все пятьсот человек и той же ночью бежали, пообещав Святой Живоначальной Троице, Пречистой Матери Божией и великим чудотворцам Сергию и Никону больше такого зла не совершать, также и царствующему городу, а стоять заодно с православными христианами против иноверных; и призывали в помощь великих чудотворцев. Литовские же полки догнали их в Троицкой волости в Вохне на реке Клязьме. Но те помилованы были Богом по молитвам преподобных отцов Сергия и

Никона и ушли от литовских людей все невредимыми. Также и через Оку-реку переправились они ниже Коломны и пришли на Дон к своему атаману все здоровыми.

Об этом знамени и об атамане Стефане Елифанце принесли мне записку оставшиеся в обители чудотворца иноки, а кое-что поведали мне о том и словом. Я же повелел вписать здесь и это, раз и это есть истина, чтобы не оказаться мне перед Богом нерадивым рабом, презревшим чудеса преподобных отцов. Об этом до сих пор.

Воеводы же советовались с архимандритом Иоасафом, со старцами и со всеми воинскими людьми, как очистить для неожиданной вылазки потайные ворота, ведущие из-под крепостной стены в ров. Каменотесы же, разыскав подле Сушильной башни старый лаз, очистили его и приделали к нему три железные двери.

О СТРЕЛЬБЕ ПО КРЕПОСТИ В ВОСЬМОЙ ДЕНЬ НОЯБРЯ

Того же месяца в восьмой день на праздник собора святого архистратига Михаила. День тот был днем плача и сетования, потому что прошло уже тридцать дней и тридцать ночей, как беспрестанно со всех сторон били по крепости из-за всех туров из шестидесяти трех пищалей и из верховых орудий.

В тот же день шел в церковь Святой Троицы клирик Корнилий, и внезапно прилетело ядро пушечное и оторвало ему правую ногу по колено, и внесли его в притвор. И после Божественной литургии он причастился Животворящих Тайн Христовых и сказал архимандриту: «Вот, отец, Господь Бог рукою своего архистратига Михаила отомстит кровь православных христиан». И, это сказав, старец Корнилий преставился. Да в тот же день убило из пушки старицу, оторвало ей руку правую с плечом.

Воеводы же и все осажденные в крепости люди, избрав добрых старцев и людей воинского чина, которым идти на вылазку и на подкопные рвы, разделили войско и расставили по порядку. В день же архистратига Михаила пели вечерню, и все бывшие в обители люди с воплем и рыданьем, бия себя в грудь, просили милости у Всещедрого Бога, и воздевали вверх руки, и на небо взирали, и взывали: «Господи, спаси нас, погибающих, скорей поспеши и избавь нас от этой гибели ради твоего святого имени. И не предай достояния твоего в руки этим скверным кровопийцам».

Враги же Святой Троицы деятельно и коварно добивались захвата крепости и беспрестанно стреляли из многих пушек и пищалей. Во время псалмопения внезапно ядро ударило в большой колокол, отскочив от него, влетело в алтарное окно Святой Троицы, пробило в деисусе доску подле правого крыла образа архистратига Михаила и, ударившись вскользь по столпу, а затем в стену, отскочило то ядро в насвечник пред образом Святой Живоначальной Троицы, ранило священника и, отлетев в левый клирос, развалилось. В то же время другое ядро пробило железные двери с южной

стороны у церкви Живоначальной Троицы и пробило доску местного образа великого чудотворца Николы выше левого плеча подле венца; за иконой же ядра не оказалось.

И тогда в церкви Святой Троицы на всех находившихся там людей напал великий страх, и все заволновались. И полит был церковный пол слезами, и пение замедлялось от сильного плача. И воздевали все руки свои вверх к Пребезначальной Троице, к Пречистой Богородице и великим чудотворцам Сергию и Никону, молясь о помощи и заступничестве от врагов.

Во время же пения стихир архимандрит Иоасаф, будучи в великой печали и сетовании, погрузился в легкое забытие, и вот, видит он великого архистратига Михаила; лицо его, как свет, сияло, в руке своей он держал скипетр и говорил противникам: «О враги лютеране! Вот, беззаконники, ваша дерзость дошла и до моего образа. Всесильный Бог вскоре воздаст вам отмщение». И, сказав это, святой стал невидим. Архимандрит же поведал об этом видении всей братии. И облеклись они в священные ризы, и пели молебны Всесильному Богу и архистратигу Михаилу.

В Терентьевской роще была у осаждавших очень страшная пицаль, называемая Трещера. Воеводы повелели стрелять на Терентьевскую гору по литовским орудиям из башни Водяных ворот. Ударили по большой их пищали, по Трещере, и разбили у ней пороховницу. Также и от Святых ворот с Красной башни ударили по той же пищали и разбили у нее устье. И видевшие это с Троицкой крепости бывшие там люди благодарили Бога, что разрушил он то злое орудие.

Архимандрит же Иоасаф, правя келейное правило и взирая на образ Пресвятой Богородицы, со слезами прося помощи и заступничества, задремал. И видит он вошедшего в келью преподобного отца нашего Сергия, говорящего: «Встань, не скорби, но возноси молитвы в радости, ибо предстоит перед Богом и молится об обители и о вас Святая Пречистая Богородица и Приснодева Мария с ангельскими ликами и со всеми святыми». Также и иные старцы поведали о различных знамениях — священноинок Геннадий, священноинок Гурий, священноинок Киприан и иные многие черноризцы и миряне, — что видели святого Сергия чудотворца, ходившего по монастырю и будившего братию со словами: «Идите, иноки, немедленно в святую церковь и обретете благодать». И потом они видели, как вошел в церковь Святой Троицы Серапион, архиепископ Новгородский, и стал в святительской одежде в святом алтаре перед образом Святой Богородицы. И, обратившись к нему, святой чудотворец Сергей сказал: «Отец Серапион, почему ты медлишь принести моление ко Всесильному Богу и Пречистой Богородице?» Святой же архиепископ Серапион, воздев свои руки, возопил: «О Всепетая Мать, родившая всех святых святейшее Слово! Нынешнее приношение приняв, от всякой напасти избавь всех и от грядущей изыми муки

вопиющих: аллилуйя!» И тут начали благовестить к заутреннему пению. Старцы же, это увидев, рассказали архимандриту и воеводам.

Эти старцы все отошли к Богу еще во время тогда бывшей осады. Принес же мне запись об этом дьякон Маркел ризничий. Я же, поправив ее, повелел вписать.

О ВЫЛАЗКЕ, ОБ ОБНАРУЖЕНИИ ПОДКОПОВ И ОБ ИХ РАЗРУШЕНИИ

Воеводы, князь Григорий Борисович и Алексей, составив полки для вылазки, пришли в церковь Святой Живоначальной Троицы к чудотворным образам и исцеление приносящим мощам преподобного отца нашего Сергия чудотворца. И, придя к потайным воротам, они приказали выходить по несколько человек и укрываться во рву. В то же время с Пивного двора вышли воеводами старшины туляне Иван Есипов, Сила Марин и Юрий Редриков, переяславец, со своими сотнями и даточными людьми на Луковый огород и на плотину Красного пруда. Также и из Конюшенных ворот вышли со многими знаменами старшины-дворяне: Иван Ходырев, алексинец; Иван Болоховской, владимирец; переяславцы Борис Зубов, Афанасий Редриков и другие сотники с сотнями, а с ними и старцы троицкие во всех полках.

И когда начали они выходить из города за три часа до рассвета, вдруг нашли темные облака, и небо страшно помрачнело, и настала такая тьма, что и человека не было видно. Такое Господь Бог устроил тогда время своими неизреченными судьбами.

Люди же, выйдя из города, приготовились к бою. И вдруг поднялась великая буря и прогнала мрак и темные облака, и очистила воздух, и стало светло. И когда трижды ударили в осадные колокола, — ибо так было приказано им дать знак, — Иван Ходырев с товарищами, призвав на помощь Святую Троицу и выкрикнув многими голосами как боевой клич Сергиево имя, все вместе дерзко и мужественно напали на литовских людей. А те, услышав этот боевой клич, тут же смешались и, гонимые Божиим гневом, побежали.

В то же время от Святых ворот старшина Иван Внуков с товарищами и со всеми людьми пошел против подкопов на литовских людей, издав тот же боевой клич, и сбил литовцев и казаков под гору в Нижний монастырь и за мельницу. А Иван Есипов с товарищами своим полком бился с литовцами по Московской дороге по плотине Красного пруда до горы Волкуши. Старцы же Сергиева монастыря ходили с полками, бились с литовцами и укрепляли людей, чтобы те не ослабевали в делах. И от этого все расхрабрились и бились крепко, говоря друг другу: «Умрем, братья, за веру христианскую!»

И благодатью Божиею нашли тогда устье подкопа. Вскочили тогда в глубь подкопа ради совершения замысленного кlementьевские крестьяне Никон, называемый Шилов,

да Слота; и, зажегши в подкопе порох с кизяком и смолою, заткнули они устье подкопа и взорвали подкоп. Слота и Никон тут же в подкопе сгорели.

Люди из крепости подступали близко к горе Волкуше, к орудиям литовским; но те стреляли из-за туров. Тогда ранили старшину Ивана Есипова и троицких людей прогнали до Нижнего монастыря. Старшина же Иван Внуков, возвратившись со своими людьми от Нижнего монастыря по плотине и по пруду, прогнал литовцев и казаков в Терентьевскую рощу и до горы Волкуши, беспощадно их избивая. Троицкий же слуга Данило Селевин, которого поносили из-за бегства его брата Оськи Селевина, не желая носить на себе изменничьего имени, сказал перед всеми людьми: «Хочу за измену брата своего жизнь на смерть променять!» И со своей сотней пошел пешим к колодцу чудотворца Сергия на изменника атамана Чику с его казаками. Данило был сильным и ловким с саблей и посек многих литовских людей, а сверх того и трех вооруженных конников убил. Один же литвин ударил Данилу копьем в грудь, но Данило устремился на того литвина и убил его мечом, однако сам от той раны начал сильно слабеть. И его, подхватив, отвели в монастырь, и он преставился во иноческом образе.

Старшины же Иван Ходырев и Борис Зубов со своими сотнями прогнали литовцев и казаков за мельницу на луг. А Иван Внуков остался в Нижнем монастыре. Атаман же Чика убил Ивана Внукова из самопала. И его отнесли в монастырь. И была среди троицких людей великая скорбь об убитых дворянах и слугах, потому что они были мужественны и в ратном деле искусны.

Троицкое же воинство, снова оправясь, убило двух полковников, королевских дворян, Юрия Мозовецкого и Стефана Угорского, да четырех ротмистров из жолнеров и иных панов, да и всяких людей много побили и поранили. А живых пойманных языков ввели в город.

О ЗАХВАТЕ ЛИТОВСКИХ ОРУДИЙ

В тот же день, когда одни выходившие из крепости люди после многих трудов вошли в крепость, а другие еще дрались с литовцами и русскими изменниками, некоторым боголюбивым инокам Бог вложил благую мысль, и они пришли на Пивной двор к чашнику старцу Нифонту Змиеву и сказали: «Отец Нифонт! Враги наши одолевают нас, но Святая Троица даровала нам, бедным, великую помощь в борьбе с врагами: подкопы их мы отняли и обрушили; а к тебе вот зачем пришли: дай нам совет, как отнять у литовских людей туры и доставить своему воинству помощь и радость». Старец же Нифонт, посоветовавшись с прочими старцами, взял с собою двести человек ратных и тридцать старцев и пошли они с Пивного двора на вылазку; и, перейдя через запруду, взошли на Красную гору к турам и к литовским орудиям.

В монастыре распространилась весть, что троицкое воинство пошло на литовские орудия. И осажденные люди, быстро придя к крепостным воротам, к Конюшенным, воеводу Алексея Голохвастова и привратных сторожей силой превозмогли, крепостные ворота сами отворили и, спешно устремившись к турам, взошли на Красную же гору. Литовцы же и русские изменники, из-за туров своих стреляя из многих пушек и пицалей и из мелкого оружия, отбили троицких людей под гору к Пивному двору. Множество же народа снова, во второй раз, устремилось напористо и, взойдя из подгорья в большой силе, подступили к турам, к орудиям литовским. Богоборцы же начали стрелять из многих пушек с горы Волкуши во фланг троицкого воинства и в тыл из Терентьевской роши и большое смятение учинили и ужас в троицких людях. Увидев же, что испугалось троицкое воинство от их стрельбы, они тут же, полки свои литовские и всех русских изменников из-за своих туров быстро выведя, согнали всех монастырских людей под гору. Со стен же крепостных, стреляя по врагам, обратили их вспять. Те же, возвратившись, заиграли во все трубы, что прогнали, мол, монастырских людей от своих орудий.

Монастырские люди порешили отойти в овраги: в Благовещенский, в Косой и в Глиняный овраги, тогда как другие троицкие еще бились с литвою за Круглым прудом и за Капустным огородом близ Келарева пруда. И, оглянувшись и не увидев монастырских людей на горе и у Пивного двора ни единого человека, они ужаснулись, подумав, что те все побиты литовскими людьми, ибо только и видели они что у Святых ворот и на Нижнем монастыре первыми вышедших на вылазку людей, дерущихся с литовцами и с казаками.

Монастырские же люди притаились в оврагах: в Благовещенском, в Косом и в Глиняном. Из них Иван Ходырев и троицкие слуги, Ананья Селевин с немногими людьми, сев на коней, устремились полем позади туров литовских орудий; и был их отряд очень мал, а перед тем троицким отрядиком, говорят, видели со стен многие люди вооруженного воина, лицо же его было, как солнце, а конь под ним, как молния, блистал. И тотчас же он вскочил с троицкими людьми в первые туры, затем во вторые, и в третьи, и в четвертые, и в пятые, и явственно видели, что этот Божий посланник помогал православным христианам, пока те не взяли орудия. А потом, даровав им помощь и одоление врагов, он стал невидим.

Троицкое же воинство, укрывшиеся конные и пешие люди, вскоре из оврагов выйдя, приступили к первым турам, к литовским орудиям. Литовцы и русские казаки побежали тогда к другим турам. Монастырские же люди, нещадно их избивая, выгнали их также и из-за других, и из-за третьих туров; а у четвертых и пятых туров литовцы и казаки закрепились у своих орудий и храбро бились. И тут под Борисом Зубовым убили коня. Из литовцев многие, выскочив, захотели взять Бориса живым.

Мужественный же троицкий слуга Анания Селевин с прочими воинскими людьми, устремившись на литовских людей, прогнал их за туры. Вскоре подоспели к ним многие люди, Иван Ходырев, а с ним дети боярские, слуги и все множество народа, и вошли в четвертые и пятые туры к литовским орудиям. Слуга Меркурий Айгустов раньше всех подоспел к турам. Пушкарь же литвин убил Меркурия из пищали. А тому пушкарю отсекали голову.

Так с помощью Живоначальной Троицы многих литовских людей они побили, и в плен знатных панов живыми взяли, и с литаврами и с трубами и многими знаменами ввели их в крепость. Да тут же захватили восемь пищалей полуторных и полковых и всякое оружие литовское: затинные и большие самопалы, и рушницы, копия и корды, палаши и сабли, бочки пороху и ядра, — и всяких запасов множество внесли в крепость. Остальное же все с турами и с турусами и с остатками пороха предали огню. Троицких же людей убитых и раненых подобрали и внесли в крепость. Когда пламя разливалось и поедало сооружения еретиков, гетман Сапега, увидев, что занимаются огнем самые прочные его станы, побежал в свой табор, также и злой еретик лютеранин Лисовский.

Все же это произошло в один день — в среду, месяца ноября в девятый день, на память святых мучеников Анисифора и Порфирия. Ибо за три часа до света начали биться и до самого вечера кровь лилась. В один и тот же день подкопы разрушили и орудия литовские взяли. И благодатью Пресвятой Троицы были в Троицком Сергиеве монастыре радость и веселье среди всего православного христианства о величии Божьем, по причине того, что сотворил Бог преславное в тот день.

Боголюбивый же архимандрит Иоасаф с братиею повелел звонить вплоть до полуночи. Сам он со священным собором и со всей братией в храме Трисоставного Божества пел молебны, хвалу и благодарение воссылая Богу, Пречистой Богородице, великим чудотворцам Сергию и Никону и всем святым, с начала времен Богу угодившим.

Насчитали же всего побитых за тот день троицких людей сто семьдесят четыре человека да раненых шестьдесят шесть человек. Убитых архимандрит с честью соборно погреб, а раненых повелел постричь. Среди последних были Иван Внуков — в иноках Иона, Иван Есипов — в иноках Иосиф, Данило Дмитриев сын Протопопов из Москвы от Покрова на рву — в иноках Давид, троицкие слуги Данило Селевин, Меркурий Айгустов — в иноках Мефодий и многие другие. И, причастившись Святых Тайн Христа, Бога нашего, они преставились ко Господу.

Воеводы же и дворяне и все воинство Сергиева монастыря вышли за ограду посмотреть трупы мертвых литовцев и русских изменников, побитых на Красной горе у их орудий, во рву, и в ямах, и у прудов — у Клементьевского, у Келарева, у Конюшенного и у Круглого пруда, около церквей Нижнего монастыря, около мельницы, и против Красных ворот у подкопных рвов, и насчитали литовцев и изменников более полутора

тысяч, да сказали пленные и перебежчики, что раненых у них до пятисот. Воеводы же и все христолюбивое воинство порешили с архимандритом и с братией послать к Москву к государю с доброй вестью и подарком сына боярского переяславца Ждана Скоробогатова.

О ЛИТОВСКИХ ЛЮДЯХ В ЗАСАДЕ

Гетман же Сапега и Лисовский замыслили новый коварный план против троицкого воинства. Ночью они завели множество конных рот в Сазанов и в Мишутин овраги и спрятали их у рыбных садков, чтобы те отрезали троицкое воинство от крепости. И, подъезжая к надолбам, начали они манить людей из крепости. Люди в крепости, не ведая о лукавой хитрости безбожников, вышли на вылазку конными и пешими. Литовцы же притворно обратились в бегство. Вышедшие люди устремились за ними. Но наблюдатели, увидев с церкви засадных людей, стоящих в оврагах, начали бить в осадный колокол. Тогда те возвратились к крепостным стенам. Увидели лукавые, что не получили желаемого, и тогда из лесов и оврагов, как свирепые львы из пещер и дубрав, на православных христиан бросились и пригнали их к крепостным стенам. Монастырские же люди тогда со стен многих литовских людей побили и живыми взяли жолнеров четырех человек. Не понравились окаянным из крепости частые подарки, и не стали они больше пробовать близко к стенам подходить и из оврагов своих и ям, накопанных ими, разошлись по своим таборам.

О ВЫЛАЗКЕ НА ЛИТОВСКИХ И РУССКИХ СТОРОЖЕЙ

В один из тех дней, когда еще в крепости Троицкого Сергиева монастыря было множество храбро боровшегося против врагов воинства, на рассвете воскресного дня была великая мгла в зимнее время. Воеводы же снова устроили вылазку на заставы литовские, в Благовещенский овраг и на Нагорную заставу к Благовещенскому лесу, а иных людей послали к Нагорному пруду за сады на заставы русских изменников. Выйдя же, конные люди заставу в Мишутине овраге побили, а вскоре, поспешив на Нагорную заставу, и ее потоптали по Красной горе вдоль до Клементьевского пруда и многих побили. Из Сапегиных же таборов многие роты пришли, и был большой бой. Но из крепости вышли на помощь многие люди конные и пешие и прогнали литовцев снова до Клементьевского пруда. Александр же Лисовский, как змей засвистав со своими аспидами, желая поглотить православное воинство, вскоре пришел с конными и пешими людьми и с русскими изменниками из Терентьевской роци против Красных ворот на пошедших на вылазку троицких людей, бьющихся с полком его, с русскими изменниками, — как свирепый лев ревуший, желая всех поглотить. Троицкое же воинство билось с ними крепко, но, не будучи в состоянии одолеть, отошло от них в крепостные рвы.

Литовских людей с крепостных стен многих побили. Воеводы же из крепости еще устроили для помощи своим конную вылазку, а старшими с ними отпустили старцев Ферапонта Стогова, Малафея Ржевитина и прочих старцев двадцать человек. Те же, выйдя, мужественно устремились на литовских людей. К ним же поспешили с Красной горы бившиеся там с литовцами и поляками, а другие спрятались на Красной горе в Глиняном овраге. И молитвами преподобного и великого аввы Сергия и блаженного Никона устрашил Бог беззаконных. И привиделось Лисовскому, что из монастыря вышло бесчисленное великое воинство, и тут испугался злой враг кровопийца и побежал, гонимый Божьею силой, со всем своим воинством под гору за мельницу на луг и в Терентьевскую рощу. Троицкое же воинство мужественно их побивало. Тогда взяли живым ротмистра Мартыяша, славного ратоборца, и других панов с оружием ввели в город.

Лисовский же стал в долине за горой Волкушей, и к нему вскоре подошли Сапегины конные роты. Он же, лукавый, как змей метался, думая, как бы позор свой искупить, не ведая, что против силы Вышнего ратует. И тут видит еретик, а с ним многие поляки, что пред полком их ездит старец, держа в руке своей обнаженный меч и сурово ему грозя. И затем стал невидим для их глаз.

Герман же Сапега пришел на Красную гору на троицких людей и стал по всему Клементьевскому полю со всеми своими полками; Лисовский от прихода Сапеги повеселел и захотел совместно с ним одолеть Господа Бога Вседержителя, и повелел в своем полку дуть в трубы и зурны и бить в барабаны и литавры. И тут же вскоре вместе с Сапегою устремился на Красную гору против всех троицких людей, желая в один час всех их истребить. И согнали они троицких пеших людей под гору к Пивному двору. И было воистину чудно видеть милость Божию к троицкому воинству и заступничество и помощь против врагов по молитвам великих чудотворцев Сергия и Никона. И сотворил тогда Господь преславное чудо. Даже нератные люди стали храбрыми, и не знавшие и не ведавшие никогда обычаев ратных, — и те исполинской силой препоясались. Один из таких, некий податной человек из села Молокова, крестьянин, называемый Суетою, великий ростом и очень сильный, над которым посмеивались всегда из-за его неумения в бою, сказал: «Пусть я умру сегодня, но буду всеми прославляем!» В руках он держал оружие, бердыш. И укрепил Господь Бог того Суету и дал ему бесстрашие и храбрость; и он понуждал православных христиан прекратить бегство, говоря: «Не убоимся, братья, врагов Божиих, но станем с оружием твердо против них!» И сек бердышом своим врагов с обеих сторон, удерживая полк Александра Лисовского; и никто ему противостоять не мог. Он быстро, как рысь, скакал и многих тогда вооруженных и в броне поразил. Многие же крепкие воины встали против него, чтобы отомстить за позор, и жестоко на него наступали. Суета же

сек на обе стороны; не выдавая его, пешие люди, прекратив бегство, укрепились за надолбами.

Беззаконный же Лисовский совался и туда и сюда, где бы какое зло сотворить. И повернул, окаянный, от того места вдоль по Красной горе к Косому Глиняному оврагу на сидевших в засаде троицких людей. Бывшие там с монастырским слугою Пименом Тененевым люди твердо стали на пригорке у рва против врагов, биясь с литовцами и казаками. Увидев же, что троицкого воинства мало, злонравный лютеранин Лисовский свирепо бросился на них, и смешались все люди вместе, литовские и троицкие, и произошел великий бой близ Глиняного оврага. Враги же, боясь засады, начали отбегать. А троицкое воинство, понемногу отходя от литовских людей, скрылось в Косой Глиняный овраг.

Александр же Лисовский хотел при отходе взять живым слугу Пимена Тененева, но Пимен обернулся к Александру и выстрелил ему из лука в лицо в левую щеку. Свирепый Александр свалился со своего коня. Воины его полка подхватили его и отвезли в Сапегин полк. Троицкое же воинство ударило из множества орудий по ним, и тут побили много литовцев и казаков. Литовцы же, увидев это, тут же бросились бежать врассыпную по Клементьевскому полю.

Сердца кровью у многих закипели за Лисовского и, чтобы отомстить за него, снова многие двинулись, как лютые волки, — литовские воеводы князь Юрий Горский, Иван Тышкевич да ротмистр Сума со многими гусарами и жолнерами, — напали на сотника Силу Марина и на троицких слуг, Михайла да Федора Павловых, и на все троицкое воинство. И произошел бой очень большой и жестокий. И, ломая оружие, хватаясь друг за друга, они резались ножами. Предельно отчаянной была та брань, потому что в троицком воинстве немного было конных и не в бронях, но прикрыты они были милостию Живоначальной Троицы и молитвами великих светил Сергия и Никона; благодаря их помощи и заступничеству, многих вооруженных поляков и литовцев они побивали. Слуга же Михайло Павлов, видя, как острие меча князя Юрия Горского пожирает неповинных, перестал биться с прочими, ловя самого воеводу, и убил того князя Юрия Горского, и с конем примчал его мертвого под крепость. Много тут желавших отомстить поляков погибло из-за его тела, но они не отняли его из рук Михайловых.

В том бою многие из литовских людей видели двух старцев, мечущих на них плиты, одним броском многих поражавших, камни же из-за пазухи достававших, и не было числа метаниям их. Перебежчики от поляков рассказали об этом в доме чудотворца.

Такие потери видя, поляки, — что князя Юрия лишились и других своих храбрецов, разрубленными лежащих, гонимые гневом Божиим, побежали они от троицкого

воинства. Так и отошли все полки Сапегины и Лисовского. Троицкое же воинство вошло в обитель с великою победою.

ОБ УБИТЫХ У ДРОВ

После этого окаянные лютеране завели многие роты в Мишутинский овраг в рощу, так как знали, что в ту рощу постоянно ходят из крепости за дровами в сопровождении охраны из конных и пеших людей. Как обычно, вышли из крепости многие люди в ту рощу за дровами. Внезапно напали на них вышеупомянутые литовские роты и русские изменники. Троицкое же воинство и всякие осажденные люди вступили в большой с ними бой, но из-за грехов наших одолели враги. В тот день убили литовские люди троицких всяких людей более сорока человек и многих ранили, а иных в плен живыми взяли. Тогда взят был известный Наум, оконный мастер. И пробыл он у Сапеги, служа, до отступления их от Троицкого монастыря. Из-за всего этого в городе была очень большая печаль у всех православных христиан.

ОБ ИЗМЕНЕ КАЗНАЧЕЯ ИОСИФА ДЕВОЧКИНА

Находит дьявол орудие себе и научает преследовать кого-нибудь без вины, как Саул Давида, или же тельцу в пустыню поклоняться, а не Питающему манною, или же, как Ирода, побуждает избить невинных младенцев. Как не побоялся Иуда того, кто дал немощным творить неизреченные чудеса, так же не утратился Иосиф дивных явлений богоносного мужа и уподобился тому еретику-чернецу, что скрыл голову Предтечи, чтоб не славилось с ней имя Господне. И не придавал он значения тому, что рассказывали ему все о постоянном заступничестве великого чудотворца Сергия, но, неверием одержимый, затыкал свои уши, как аспид глухой, не заботясь о том, чтобы Преславного прославить и записать рассказы, но и желавшим неутраченное поведать повелевал перестать и пытавшимся писать в царствующий город пользы ради для утешения страждущих в скорбях препятствовал. Этот злой совет услышав, старец Гурий Шишкин, саном дьякон, понял, какой яд скрывается в том, и открыл его намерение предать дом чудотворца. Наслаждаясь потаканием Гурия и надеясь на подручных, как под надежной защитой ходил тот уверенно, радовался и ожидал, когда сможет довести злое дело до конца. Но как осел Валаама обличал, так и Гурий тайно злему замыслу препятствовал и, как Ефесский Синакраснопевец, не песнями, а орудиями мучений возносился. Нетерпеливым в крепких руках оказавшись, Иосиф все в подробностях замыслы свои объявил. Страшно было слышать, как лопнул замысел Иуды. Не напрасно, оказывается, Оська Селевин переметнулся: он и четырех темных поселян оттуда уже послал за ним, и тот совету поляков весь уже отдался. С их помощью он и других немало прельстил. Покровителем его коварства был другой воевода, Алексей Голохвастов, и уже сослался он прямо с врагами Пресвятой Троицы и уверенно назвал день, в какой хотел привести жнецов бесовских на Божию пшеницу.

Последнее, чего он поджидал, это — когда выйдут агнцы бороться с волками: он хотел затворить за ними врата ограды Христовой и ту готовую снедь отдать зверям, кровь пьющим, а тем временем через другой вход ввести сынов еретических и отступников православия в гору Господню и стереть, чтобы не осталось и памяти, холмы святого Израиля. Когда все это, тайной покрываемое, стало известным, из всех уст возвеличен был за неожиданное спасение великий наш заступник, вместе с пророком говорящий об этом: «Если Господь не сохранит город, тщетно бдит стражник» и «суетно спасение человеческое». Ведь того, кто выше хвалы человеческой, никому невозможно восхвалить по достоинству. Но уразумели овцы, что невидимый волк видимо отогнан, и с радостным плачем под Божиим кровом радовались в доброй надежде.

О СМЕРТИ ИОСИФА

Рывший яму для незлобивых сам впал — и не в яму, но в бездну мук и поношения, и не от людей только, но и от Бога — прочим в назидание: да не дерзают вместе с преследующими Христа воевать, но да претерпевают все с Владыкой как в мире, так и в гонениях. Блага из руки Господней приняв, зол ли не стерпим, для испытания нам предложенных? А не захотевший добровольно с плачущими плакать, тот поневоле, высмеиваемый радующимися, расплакался, да бесполезно. И даже после такого злого предательства не был презлобный незлобивыми сразу же на смерть осужден, но дано было время ему на покаяние, хоть недостоин он был жить и одно мгновение.

Многие люди, написав о составленных по его злому совету заговорах, его обвинили; воздающий же отмщение по правде ниспослал на него суд, как на Ирода: после тяжелого недуга он был живым изъеден червями, так что прежде возвращения его в землю были видны его проеденные внутренности. Оттого что в надменном сердце тайно вырос замысел пролить множество крови, как гнезда закипели рогатые плотоядцы. Не хотевшего Бога ради трудившихся помиловать, те братолюбиво с плачем отирали, но и они, устроясь, отбегали, ибо удивительное это было для всех зрелище. Да и кто не удивится, таковую муку видя? Ведь за один час маленький, как муха, червь, ползая по плоти, вырастал с человеческий палец и рожками пробуравливал тленное естество. Слыша его рев и вопль, многие с сокрушенным сердцем, плача, поникшие отходили. Ухаживавшие за ним все отступили и, не будучи в силах обонять смрад, заткнув ноздри, стояли поодаль. Кости его так распухли в связях суставов, что сделались видимы. Не презиравшие же его слезных молений и помогавшие ему в телесных нуждах пропитывались на долгое время зловонием и, не выдерживая, выскакивали: от вдоха у них перехватывало гортань и нос. И все говорили: «Воистину от Господа допущено это». Так мучительно он и скончался. И его помощник в осуществлении тайного замысла, Гриша Брюшина, так же мучительно скончался: утроба его распалась.

ОБ ИЗМЕНЕ ДВУХ СЫНОВЕЙ БОЯРСКИХ

Прельстились дети боярские переяславцы Петруша Ошушков да Степанко Лешуков и во время обычной вылазки отскочили от света во тьму и пристали к врагам Божиим, к литовцам и к изменникам, так говоря гетману Сапеге и лютеранину Лисовскому: «Что будет нам, если скажем вам, как можно быстро взять Сергиеву обитель без крови?» Начинатели же зла обещали великим именем одарить их и в число первых по славе вознести. Те же, через чьи уста действовал дьявольский дух, сказали: «Раскопайте, паны, берег верхнего пруда и отведите от труб воду; тогда от жажды вскоре люди изнемогут и поневоле покорятся вашей храбрости».

Обрадованные лукавыми лисицами волки бой у стен прекращают, немедленно же замысел осуществляют и, прикрываясь от крепости, чтобы не было видно творимое ими дело, намерение свое совершают. Повелением Александра Лисовского они разрыли плотину верхнего пруда и пустили воду в Служень овраг в речку Коншору. Но молитвами великого Сергия чудотворца немного вытекло воды тем раскопанным местом. Люди же в крепости удивляясь, что те перестали воевать, выходили, чтобы раздражить их; но враги в погоню не пускались и с мест не сходили. Ибо злодеи вызнали уже приемы людей из крепости — что те с помощью засады часто у них языков похищали, и потому очень остерегались, чтобы не стало известным зло, которое они творили.

Некоторые же добровольцы, выйдя ночью из крепости, подползши тихо, взяли стоявшего на страже литвина и привели в крепость, и обо всем замысле врагов всеми было услышано. И в тот же час, докопавшись всем народом до труб, введенных в обитель чудотворца, провертели их во многих местах; и снова вода потекла из пруда в город. Монастырские же, опять выйдя из крепости в ту ночь, побили всех делавших это зло, литовцев и русских изменников, которые выпускали воду. Той ночью в монастыре наполнились водой выкопанные пруды и через монастырь протекла вода на другую сторону. Так у литовцев и у изменников этот замысел и не сбылся. Злодеи же, увидев наутро, что в пруду мало воды и что свои перебиты, всплескивали руками.

О ДРУГОМ ИЗМЕННОКЕ

В ту же ночь другой сын боярский, сообщник тех злодеев, что умыслили это зло, видя происходящее в доме чудотворца, по веревке спустился со стены и быстро побежал к врагам с вестью. Но его злодейству не попустил Господь, и жилы его правой ноги у поясицы разорвались, и начал страшно вопить окаянный. Его крик на стенах слышали и, выбежав, взяли его в город живым. От попущенной же Богом язвы в тот же час он изверг свою душу.

ОБ УМНОЖЕНИИ В КРЕПОСТИ БЕЗЗАКОНИЯ И НЕПРАВДЫ

В то время, когда одержимы были люди всеми бедами в обители чудотворца, плакали все, рыдали и горестно сокрушались, долго терпящий нас, сотворивший все, не желающий смерти грешнику, но дающий время для покаяния и призывающий грешников к спасению дал находящимся в крепости в осаде хорошо отдохнуть от рук оскорбляющих. Ибо отступили литовские полки и русские изменники далеко от крепостных стен и впредь в своих жилищах и таборах пребывали. Рвы же свои и ямы, выкопанные ими близ крепости, оставили. Бывшие же в крепости военные люди и многие из народа всякий день из крепости выходили: то ради отдыха от великой тесноты, то за дровами и постирать одежду, иногда же на вылазку против польских и литовских людей и русских изменников. И из повседневных с ними сражений возвращались они здоровыми в обитель чудотворца; иногда же и победителями над ними оказывались, молитвами чудотворцев Сергия и Никона.

Когда же немного отдохнули они от великих бед, тогда забыли Спасающего их и не вспомнили пророка, говорящего: «Служите Господу со страхом и радуйтесь ему с трепетом». Дьявол же, уразумев бывшее на нас просвещение от лица Господня, понуждал нас тогда от славы Божией отпасть, и праздновать не духовно, но телесно, и торжествовать не в целомудрии, но в бесстрашии, чтобы тем самым возбудили мы у Владыки негодование на себя, наподобие того как Ноя, а также Лота, осквернил он пьянством, Давида и Соломона в блудодейство низвел, а людей израильских, сквозь Чермное море прошедших, из-за чрезмерной сытости и веселия под землю низвел; так же и здесь сотворил лукавый.

Ибо опоясывающиеся мечом на радостях часто заходили утешиться сладкими медами, от которых породились блудные беды. Всех возвращавшихся с повседневных вылазок после победы и после пролития крови вином утешали, а от этого все страсти телесные возрастали. На трапезе же братской иноки и простые люди воду пили и военных людей перестать молили. Но те этим пренебрегали. А еще и такое зло добавили — сребролюбие.

Тогда ведь все они, постоянно питаясь от дома чудотворца, брали хлебы по числу каждый для себя, кто на неделю, а некоторые каждый день, и отдавали их за серебро, а сами всегда в трапезной питались. Тяжело тогда было инокам, в монастырской хлебне работавшим: не могли они успеть удовлетворить потребность ратных и не имели ни сна ни покоя ни днем ни ночью, и всегда от жара печного и от дыма глаза у них слезились. Также и молоть было очень трудно. Людей-то множество, жерновов же мало, ибо не ожидали люди, что долго сидение продлится, и налегке сели в осаду. И двенадцать гривен за помол четверти давали, но мало было бравших. Ибо днем всегда из крепости выходили, ночью же на страже крепостной трезвились. И кого в плен брали из русских изменников и некоторые из поселян, а также из христианских жен и

оставшихся служилых работниц и прочие, — те им мельниками были, но в тяготах осадных и те быстро помирали.

Нечестно же бравших хлеб монастырский отец Иоасаф много о том молил: «Отстаньте, господа и братья, — говорил он, — от такой безрассудности и глупости и не берите сверх потребности своей. А взятое вами не расточайте попусту, но тщательно сохраняйте. Не знаем ведь, господа, на сколько протянется сидение наше в осаде. Да и какая вам польза истощить понапрасну житницы чудотворца?» И много об этом молил. Те же этим пренебрегали и наперекор говорили: «Большое ли дело, что берем лишнее? Если это позорно в ваших глазах, то перестанем брать. Но с противниками вы что хотите, то и делайте». И потому он замолчал, сказав: «Да видит это Сергей чудотворец!»

И потом является чудотворец Сергей, стоя об руку с Никоном, двум галицким казакам из даточных людей. И говорит им Никон чудотворец: «Вот пришел великий Сергей!» И те видят чудотворца, поникшего лицом на посох, и говорит им Никон: «Возвестите всем, в осаде сидящим, что так говорят Сергей и Никон: „Что обманываете нас, неправедные, и зачем, лишнее взяв, продаете, чтобы сорить серебром и пьянствовать? И что ругаете мучающихся у огня в пекарне? Или не понимаете того, что съедаете пот их и кровь? Следите за собой, потому что поруганы будете вашим чревом и от него все умрете лютою смертию”». Те галичане казаки всему воинству все это рассказали и с плачем умоляли всех. А все люди посмеялись над ними и наплевали на их слова. Они же с того дня и до отхода врагов в плаче и в унынии ходили.

Хлебом преизобильна была тогда обитель чудотворца. И хотя и кровью дрова покупали, но пьянствовать не переставали. Блуд и прочее зло умножались повсюду, увы, и потому в отчаяние многие впадали. Ибо в глубокий ров блуда впали все, начиная от простых людей вплоть до священствующих. Увы, о горе лютое, о напасть, и беда, и зло лютейшее! Труды без пользы, мучение без венца, ожидание несбывшающегося! Терпение не до конца — ангелам слезы, Владыке гнев, врагам радость.

Обратимся же ныне, братья, к тонких бесовских уловок обличителю и услышим, что он говорит нам так: «Каким способом и образом нашего друга свяжем? Прежде чем свяжем, развязывается, и прежде суда мы с ним примиряемся и прежде утомления покоряемся. Как возненавидим того, кого естеством привыкли любить? Как освободимся от того, с кем навеки связались? Как упраздним с нами встающего? Как обратим в нетленное воспринятое нами тленное естество? Что хорошего скажем благому приемнику оправданий? Если свяжем воздержанием и осудим этого ближнего согрешающего, то ему же следом преданы будем и сами в тот же грех впадем. Если же осуждать перестанем, то его победим. Возвысившись сердцем, низводимы мы им с небес чистоты в ад страстей. И споспешник он нам и враг, и помощник и соперник, и друг и клеветник; угождение принимая, воюет, а истощаясь, ослабевает; будучи

оставляем в покое, бесчинствует, а будучи сокрушаем, не терпит; если опечалим его, бедствуем, и если пораним, не имеем с кем добродетели стяжать. От кого отвращаемся, того и любим». Что же это у нас такое таинственное? Почему мы сами себе враги и друзья? Послушаем же о том, как из-за невоздержания начали люди все нисходить в истление.

День ото дня мор начал распространяться в доме чудотворца. Благого же и неизменного Владыки благой верный раб неотступно заботился о вверившихся ему душах. Поляки же и литовцы с русскими изменниками, по обычаю своему построившись, ударили в стены обители святого. Шум раздался внезапно, и мужи вооруженные к противникам выходят, и из-за неожиданности приближения врагов руки у правоверных трясутся и лица у них изменились. Выходя же, они, не веря себе, видят перед собой быстро идущего от надвратной церкви святого чудотворца Сергия, святолепного, сединами украшенного старца, говорящего им: «Что трепещете? Если и никого из вас не останется, не предаст Бог это святое место и не прозвучит среди врагов „мы пленили обитель Пресвятой Троицы”. Мужайтесь, не ужасайтесь. Говорите в обители всем, что нечисто живущие в этом святом месте погибнут. Не нечистыми спасет Господь это место, но имени своего ради без оружия избавит!» И невидим стал.

И узнали люди самого чудотворца. Об этом его явлении всеми было услышано. Но кто избавит человека от смерти телесной и душевной? Сколько и сам Господь учил людей еврейских, но они не послушали и до конца погибли. Так и здесь было с неслушающими начальников этого святого места.

О МОРЕ СРЕДИ ЛЮДЕЙ

В ноябре с семнадцатого дня начался мор среди людей и тянулся до прихода Давида Жеребцова. Вид этой болезни, случающейся при тяжелых осадах, известен, — врачи называют ее цингой. Она бывает из-за тесноты и недостатков, особенно из-за плохой воды, по причине отсутствия целебных растений и корней, поедающих образующийся в утробах гной. Не имея целебных настоев, распухали они от ног до головы, и зубы у них выпадали, и смрад зловонный из уст их исходил, руки же и ноги скорчивались, сводимые жилами вовнутрь и наружу от гноящихся язв. А из-за того, что не имели они теплых омовений, тела их покрывались струпьями; не привыкший к нерастворению принятого желудок закрывался, и начинался непрерывный понос, доводивший до полного изнеможения и невозможности ни с места на место перейти, ни передвинуться. И согнивали тела их от извержения кала, и проедала их скверна даже до костей, и черви огромные ползали. И не было помощников у многих ни жажду утолить, ни алчущих накормить, ни к гнойным струпьям пластырь приложить, ни перевернуть на другой бок, ни червей смыть, ни отогнать надоедающих животных, ни наружу вывести прохладиться, ни приподнять, чтобы дать немного посидеть, ни уста

протереть, ни лицо, ни руки умыть, ни с глаз пыль стереть. А кто еще поднимал руки, те оскверняли уста и глаза грязью. И прежде смерти многие от ударов, от ветра и от всяких передвижений были посыпаны пылью, так что невозможно было узнать их по виду. Имевшие же серебро или другие вещи отдавали их, чтобы купить необходимую еду и питье. И сколько за покупаемое, столько и за услуги давали. И со слезами молили они, но всякий думал о себе, о прочих же не заботились. И если бы не израсходовали житниц дома чудотворца и погребов не опустошили, то все бы вымерли, второе лето в осаде сидя.

И было тогда не одно бедствие и несчастье: снаружи — меч, а внутри — смерть. И не знали, что делать: или мертвых погребать, или стены крепостные охранять; или с любимыми своими расставаться, или с врагами пополам рассекаться; или очи родителей целовать, или свои зеницы на протыкание предавать. И не имевшие кровной родни, те стен городских не покидали, но там смерти от противников ожидали, ибо один путь к смерти, говорили, отовсюду. И одним только утешались храбрым ратоборством с врагами, и друг друга на смерть поощряли, говоря: «Вот, господа и братья, не родные ли наши и друзья погребаются? Но и нам за ними туда же идти. И если не умрем ныне за правду и за истину, потом все равно умрем, но без пользы и не Бога ради».

Будучи всеми таковыми злыми бедами объаты, сперва по двадцать и по тридцать, а потом по пятьдесят и по сто человек умирали в один день. И умножалась смерть в людях, и друг от друга — от запаха — умирали. И великий храм Пресвятой Богородицы, во имя честного и славного ее Успения, каждый день мертвыми наполнялся. За могилы же сперва по рублю за выкапывание брали, а потом по два и по три, затем и по четыре и по пять давали, но не было уже кому ни брать, ни копать; и в одну могилу и яму погребали по десять и по двадцать человек, и дважды столько, и больше. И сорок дней стоял темный сумрак и злой смрад. А где выносили мертвых, там за ними сонмы плачущих ходили; погребали же мертвых с утра до вечера. И не было ни покоя, ни сна ни днем, ни ночью не только больным, но и здоровым. Ибо одни плакали над умирающими, другие над выносимыми, третьи над погребаемыми; и множество группами, кто где стоя, плакало. И от беспокойного сна как шальные все ходили.

И преставилось тогда братии старой в обители двести девяносто семь братьев, а новопостригшихся тогда — более пятисот. Чин священнический совсем изнемог от многих трудов с больными, умершими и умирающими. Глаза иереев отяжелели, и их с трудом поддерживали над немощными. И так все иереи скончались, и мало кто из священного чина — для возвещения только — остался. И воинский чин уже начал изнемогать, мало кто от смертного часа был избавлен. Много сирот, дев, вдовиц и

детей осталось, а с кем можно было всякое дело делать, те умерли. А от кого не было пользы, лишь хлеба едоки, остались, и те, выздоравливая, служили соблазном к великому греху.

И был тогда злой смрад — не только в кельях, но и по всему монастырю, и в служебных помещениях, и во святых церквях: где от немощных людей, а где и от умирающего скота; ибо всякое животное было без пригляда, и растерзывали одни других. И водосточные трубы, сделанные для дождя и грязи, костями животных даже донныне забиты. И более ста возов всякой одежды вывезли из обители и вывалили в ров. За воз же давали по полтора рубля, но мало было берущих из-за вшей, червей и из-за злого смрада. И все это вне обители, с трудом вывозя, сжигали.

Всего же у Живоначальной Троицы в осаде умерло старцев, и ратных людей было побито, и умерло от осадной немощи слуг и служебных людей, стрельцов, казаков, пушкарей, застенных бойцов, галичан, даточных людей и прислуги две тысячи сто двадцать пять человек, не считая женского пола, недорослей, маломощных и старых.

О ПОСЛАНИИ К ЦАРЮ ВАСИЛИЮ С МОЛЕНИЕМ

Воеводы же, видя столь сильный гнев Божий, обращенный на обитель чудотворца, не знали, что делать, потому что неотступно кругом враги стояли и нападали на крепость непрестанно, в обители же от множества воинских людей малое число осталось, и ниоткуда помощи они не ждали и перестали выходить из крепости против ратных в течение долгого времени. И по этой причине большая радость была у врагов, литовских людей и русских изменников, ибо они видели непрестанно погребаемых и слышали громкий плач в крепости по умирающим. Некоторые же, забираясь высоко на деревья, из Терентьевской рощи смотрели в крепость и радовались погибели христиан, веселились и рвались в бой; и, близко к крепостным стенам прискакывая, на бой они вызывали, поносными словами, как камнями, меча в находящихся в крепости. Внутри же крепости недоумевали, как тут быть.

И тогда, посоветовавшись с архимандритом Иоасафом и со старцами, они послали письма в царствующий город к келарю Авраамию. Старец же, увидав из писем положение в обители, ужаснулся, уразумел, что дело вскоре кончится недобрым, и все изложил царю, чтобы тот принял правильное решение; и постоянно молился, да не одолеют враги дома чудотворца. Скипетроносец же на словах давал, а на деле не осуществлял, потому что великая беда владела тогда царствующим городом.

Старец же, боясь, что скоро уже зло сотворится, все о совершенном оскудении людьми дома святого сообщал. Но самодержец и еще дни скорби и ожидания продлевал, к мольбам старца при входах и выходах не склоняясь; ибо под стенами царствующего города постоянно лилась кровь. Келарь же и братьев царских молил, но и от тех

никакой не было пользы. Он потом и патриарха и всю палату царскую подвиг, показывая им письма из обители, где говорилось, что через месяц времени от прискорбных тягот наступит крепости конец. Патриарх же со всем священным собором умолял царя, говоря ему: «Царь, если взята будет обитель преподобного, то и вся страна Российская до Океана-моря погибнет и окончательно Москве станет тесно». И царь с трудом на слезы келаря преклонился. И послал на помощь атамана Сухана Останкова, а с ним казаков шестьдесят человек да пороху двадцать пудов, а келарь Авраамий отпустил троицких слуг двадцать человек, Никифора Есипова с товарищами.

ОБ УТЕШЕНИИ ЯВЛЕНИЕМ ЧУДОТВОРЦА ИРИНАРХУ

Утешающий в скорбях великий чудотворец Сергей вновь явился пономарю Иринаруху и сказал ему: «Скажи братии и всем страждущим в осаде: зачем унывают и ропщут на держащего скипетр? Я неотступно молю Христа Бога моего. А о людях не скорбите: людей к вам царь Василий пришлет».

И через немного дней посланные царем Василием прошли сквозь литовские полки — вышеназванный атаман Сухан с товарищами и со слугами троицкими, укрытые молитвами чудотворца, — и, не понеся никакого вреда от противников, здоровыми пришли в обитель чудотворца. Только четырех казаков его захватили. Лисовский повелел их казнить около стен Сергиева монастыря. Воеводы же, князь Григорий и Алексей, за тех четырех казаков повелели вывести литовских пленников и казнить на горе, где старая токарня, над оврагом, сорок два человека, а казаков — против табора Лисовского, у верхнего пруда на взгорке, девятнадцать человек. Из-за этого литовцы и казаки пришли убивать Лисовского, да избавил его от смерти Сапега.

Из-за этого злые ратоборцы острее наостряют оружие и злей у них разъяряются сердца; и ночь для них как день бывала, и друг друга они воспаляли и стерегли крепость столь внимательно, что никак проползти сквозь них было невозможно. И боязнь великая охватила их из-за прохода Сухана, и они стерегли, друг друга держась, чтобы никакого вестника ни из крепости, ни в крепость не пропустить. В осаде же печаль на печаль и скорбь на скорбь налагались, и братья все в обители, лица к земле преклонив, унынию поддавались, а болезни и смерть в городе люто хозяйничали. Порадовались они немного приходу слуг и казаков, но и те мало-помалу начали изнемогать и умирать. И малое число их осталось. И была в крепости скорбь великая, утешения же ниоткуда не находили, только и имели утешение — милость Божию и чудотворца молитвы.

О ЯВЛЕНИИ НИКОНА ЧУДОТВОРЦА

Когда еще гнев Божий не прекратился и многие были подвержены скорби и немощи, однажды ночью во сне является великий чудотворец Никон пономарю Иринарху, говоря так: «Поведай больным людям: в эту ночь выпадет снег, и желающие получить исцеление пусть натрутса тем нововыпавшим снегом. Скажи всем людям, что Никон это сказал». Иринарх же воспрянул в трепете и наутро поведал всем людям. И, как и сказал чудотворец Никон, выпал новый снег; и кто поверил в это и тем снегом натерся, — из тех многие здоровье получили.

О НЕВЕДОМОМ ПЕНИИ В ЦЕРКВИ УСПЕНИЯ ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ

Однажды, когда стояла стража на церкви Сошествия Пресвятого Духа и спали по очереди, а один стоял на страже по обычаю и озирался вокруг, не обнаружится ли с какой-нибудь стороны внезапное нашествие на крепость врагов, и вот вдруг он слышит много голосов поющих, мужских и отроческих. Он посмотрел вокруг, чтобы понять, где поют, и разобрал, что поют в великом храме Пресвятой Богородицы, во имя честного и славного ее Успения. Тот сторож и прочих разбудил, чтобы самому не обмануться. Некоторые из них сказали, что это пение по умершим, ибо всегда храм был полон мертвых, отпеваемых. Говорили также, что никогда ночью с вечера не отпевают умерших. «Или утреннее пение началось? Но еще не пришло время утреннего пения». И говорили: «Разве что по какому-нибудь поводу собрались люди и молебн служат. Но не по чину молебнов звучат голоса и не так, как поют иноки или как мирские, но очень красиво, и множество поющих, и поют не умолкая и беспрестанно, и голоса громкие». Затем решили между собой: «Пойдем и узнаем получше». А когда они дошли до церковных дверей к храму Пресвятой Богородицы, голосов не стало. И, усомнившись, они быстро пошли к оставшимся на страже и снизу вверх крикнули стоящим на храме: «Оказывается, все мы обманулись: не слышно пения и никакого звука в церкви Успения Пресвятой Богородицы!» И внизу стоящие пришли в ужас, ибо звуки пения вновь им слышались. Те же с высоты говорят: «Что смущаете нас? Вот и сейчас — ни звуки ли это пения? И когда вы спустились от нас, голоса петь не переставали». Сошли и те с высоты и пошли на звук и пение слышали, а подойдя к церковным дверям, ничего не слышали. И, возвратившись, сказали: «Не зря это пение, братья!»

Когда же они отошли, опять слышали пение. И, пойдя, они сообщили об этом воеводе. И вскоре многие пришли и не слышали никакого ни пения, ни шума. И ужас охватил от этого многих. Затем по обычаю начали благовестить к утрени.

О ЗАСЫЛКЕ ПАНАМИ ТРУБАЧА ПАНА МАРТЪЯША

Видели враги, что не имеет успеха их коварный замысел, но рушится. Оттого многие, по многу раз с обманом приезжая и притворяясь друзьями, многократно говорили о том, что делалось и замышлялось. И истинно без лжи, так и бывало, как они говорили.

И немощные от пьянства просили опохмелиться. Троицкие же воины сообщали от этом архимандриту и воеводам, и по их повелению, получив от чашника из погреба мед, выходили к панам с питьем, чтобы чем-нибудь кого-нибудь из них уловить. Они же, выпив, отходили. Иногда же некоторые из них, принеся вино, просили за него меду. И такая дружба без беды не бывала, и те и другие люди обманывались: то кого-нибудь возьмут в плен, или убьют.

У окаянного Сапеги был трубач лютеранин, Мартьяш именем, очень верный, и вот тот, наученный Сапегой, был послан с похмельными к обители чудотворца просить меду опохмелиться. С помощью обычной уловки был схвачен и приведен в святую обитель готовый к этому враг, сам поддавшийся. Когда же его привели к воеводам, он повел, по научению Сапеги, добрые речи, приятные всем осажденным. И потому не был убит. И по мере прохождения дней все сбывалось по его речам. И впредь иное, что он ни скажет, все то сбывалось. О себе же он известил, что и грамоту польскую знает, и переводить написанное хорошо умеет. Из-за этого он понадобился воеводам. И зло поносил он взятых в плен и ругал свою веру как будто нелицемерно. Входя и выходя перед воеводой, он начал и на вылазки выходить; и, служа нелицемерно, бился крепко, и всеми почитаем был и любим. И, ходя с воеводами по стенам и по башням, он осматривал у пушек и пищалей прицелы, исправлял прицелы, и много бывало от него пакости литовским людям и русским изменникам; и часто он возражал воеводам и по его словам сбывалось. Если же когданибудь кто ослушивался его, беда случалась. Воевода же князь Григорий как родителя своего его почитал и в одном с ним доме спал. И в одежды светлые он был одет, и не было слышно о нем ни слова дурного, и многие из-за праведных дел его стыдились его. И обо всем, что нехорошо делалось в ратном промысле, он сообщал князю и, будто бы очень скорбя, лицемерил. И уже начал князь и ночью посылать его осматривать стражу, и никогда он не солгал воеводе ни в чем.

О НЕМОМ И ГЛУХОМ ПАНЕ, КАК ОН УЛИЧИЛ ТОГО МАРТЯША В ИЗМЕНЕ

За ним и другой пан предался, немой и глухой, его паны тоже Мартьяшем называли. Этот Мартьяш был очень яростным и сильным и послужил в доме Пресвятой Троицы как истинные христиане. Он был настолько знаменит среди поляков и изменников, что даже храбрые воины не смели на него наступать. Некоторые, пугая его именем, прогоняли нечестивых, и пеший конного не боялся. По причине же своей глухоты он вертелся в бою и озирался, чтобы не быть откуда-нибудь убитым. Во время приступов никто не был так быстр в метании камней, как этот немой; если же он бился с оружием, то жилы рук его так сводило, что он их едва разгибал и не мог в руке своей держать ничего. Удивительно было то, что, будучи нем и глух, он как будто знал о великом и богоносном отце нашем Сергии: ибо, приходя к дверям церкви Пресвятой Троицы и не

дерзая входить в святую церковь, он открывал одну половину двери против гроба чудотворца и, воздевая руки, без слов, но с сильным плачем, ударялся о вымостку перед церковью. Неизвестно, вследствие явления или, смерти избегая, он предался, или просто случайно — один Господь это знает. Этот немой Мартьяш вместо слов, руками вода, говорил и, как немой, показывал пальцами, какую имеет в виду вещь или работу делаемую, или человека, или животное, пальцами очерчивая. И был он около воевод, и все воеводы понимали его бессловесные указания.

Этим двум литвинам случилось быть на обеде у слуги Пимена Тененева, а после обеда начали играть в тонцы. Во время же той игры отскочил тот немой пан от Мартьяша и начал зубами скрежетать на него и плевать в него. А тот литвин, очами на него недобро посмотрев, быстро выскочил вон. Случившиеся там люди не поняли между ними происшедшего. Немой же быстро побежал к князю Григорию Борисовичу, вбежал в слезах, упал не по обычаю перед ним и, жестикулируя руками, умолял взять того пана. Князь спросил, в чем тот виновен, и он, по кулаку кулаком бия, хватая руками стены кельи и указывая на церкви, на службы монастырские и на стены крепости, изображал, что все будет взметено на воздух и что воеводы — показывал — будут посечены, а все в обители будут сожжены. Это князь от него уразумел, и Мартьяша, спрятавшегося, поймали и с помощью многих мук и огня едва довелись следующего.

И поведал тот окаянный Мартьяш всю свою измену. Хотел ведь злодей у пушек забить запалы, а порох прижечь; и еще сказал, что по ночам он часто беседовал с приходящими под стену панами, одним словом знаки тем подавая и на стрелах грамоты им вниз посылая. А той ночью хотел окаянный впустить на стену немногих поляков и с ними причинить вред орудиям и пороху, а прочим указал срок быть готовым к приступу. Но всещедрый Господь Бог наш не нас ради, окаянных, но имени своего ради святого и за молитвы угодников своих Сергия и Никона от этого тайного замысла нас избавил. И все тогда воспели благодарственные песни всеобщему защитнику Господу Богу и его угодникам, чудотворцам Сергию и Никону.

А тот немой пан, не знаю почему, изменил, ушел в литовские полки; может быть, из-за того, что окружили его на нижнем огороде пешие русские изменники. Он увидел, что они убьют его, замычал и, шапкой махая, предался им. А они его ограбили, ибо на нем были одежды преждеупомянутого Мартьяша-грубача. И, несколько дней пребыв в станах литовских, он возвратился в дом чудотворца и смелей прежнего сражался за христиан против литовцев и русских изменников.

О СЛУГЕ АНАНИИ СЕЛЕВИНЕ

Расхрабрил тогда великий чудотворец Сергей бывшего в осаде слугу Ананию Селевина, уже когда в обители чудотворца храбрые и крепкие мужи одни от острия меча иноверных пали, а другие померли в крепости от цинги, о которой было сказано

прежде. Анания же тот был мужественным: шестнадцать знатных пленников привел он в осажденную крепость, и никто из сильных поляков и русских изменников не смел приближаться к нему, только ловили они случай убить его из ружей издалека. Все ведь знали его и, оставляя прочих, ополчились на него. И по коню его многие узнавали, ибо столь быстрым был тот конь, что из гущи литовских полков убежал, и не могли его догнать. Часто они вдвоем с вышеупомянутым немой выходили при вылазках на бой. Тот немой всегда с ним пешим на бой выходил, и роту вооруженных копьями поляков они двое с луками обращали вспять. Александр Лисовский, однажды увидев этого Ананию среди своих противников, пошел против него, стараясь его убить. Анания же быстро ударил коня своего и, выстрелив Лисовскому из лука в левый висок, с ухом его прострелил и поверг его наземь, а сам ускакал из гущи казачьих полков; ибо он хорошо стрелял из лука, а также из самопала.

Раз этот Анания, отбивая у поляков черных людей в кустарнике, был отторгнут двумя ротами от его дружины и, бегая, спасался. Немой скрылся среди пней и видел бедственное положение Анании; у него в руке был лук и большой колчан стрел; и он выскочил, как рысь, и, стреляя по литовцам, яростно бился. Литовцы обратились на него, и тут же Анания вырвался к нему, и они стали рядом. И многих поранили они людей и коней и отошли невредимыми, лишь коня под Ананией ранили.

Поляки только и думали, как убить коня под Ананией, ибо знали, что живым его не взять. Когда Анания выходил на бой, то все по коню стреляли. Всего во многих вылазках конь его шесть раз был ранен, а на седьмой убит. И сделалось Анании хуже в боях. А потом Ананию ранили из пищали в ногу, в большой палец, и всю плюсну раздробили; и опухла вся его нога, но он еще хорошо воевал. А через семь дней в колено той же ноги он был ранен. Тогда этот крепкий муж возвратился назад. И отекала нога его до пояса, и через несколько дней он скончался в Господе.

О МОСКОВСКОМ СТРЕЛЬЦЕ НЕХОРОШКЕ И О НИКИФОРЕ ШИЛОВЕ

Однажды, когда Александр Лисовский со своим полком напал на вышедших на вылазку людей и пожирал их устами меча, как волк ягнят, в числе преследуемых был московский стрелец именем Нехорошко, а с ним клементьевский крестьянин Никифор Шилов. Увидев Лисовского, одетого в хороший доспех и держащего в руке копьё, разгорелись оба сердцем, но страшились свирепства его. И, взглянув на храм Пресвятой Троицы, призывая на помощь великого Сергия чудотворца, они поскакали на своих меринах: Никифор Шилов убил под Лисовским коня, Нехорошко же ударил его копьем в бедро. Они были отняты у казаков троицким воинством и среди многих противников остались невредимыми по молитвам великого чудотворца Сергия. Тот Никифор Шилов и Нехорошко знаменитыми бойцами были, на многих вылазках они отличались, сражаясь крепко.

О ПРИХОДЕ В ОБИТЕЛЬ С ГРАМОТАМИ ОТ КЕЛАРЯ АВРААМИЯ УХОДИВШИХ КАМЕНОТЕСОВ

Месяца мая в седьмой день в четвертом часу ночи пришли в Троицкий Сергиев монастырь уходившие троицкие каменотесы Шулешь Шпаников и Гаранька, будучи присланы из Москвы с грамотами от келаря старца Авраамия Палицына. И писал он в грамотах архимандриту Иоасафу с братией, государевым воеводам, воинам и всем находившимся в осаде людям, православным христианам, чтобы помнили они крестное целование, стояли бы против неверных твердо и непоколебимо, жили бы без оплошностей и берегли бы себя накрепко от литовских людей.

ОБ ОСВЯЩЕНИИ ХРАМА НИКОЛЫ ЧУДОТВОРЦА И ОБ ОСЛАБЛЕНИИ МОРА И БОЛЕЗНЕЙ

На память святого и достохвального апостола и евангелиста Иоанна Богослова, месяца мая в восьмой день, архимандрит Иоасаф и воеводы решили в храме Пресвятой Богородицы, во имя честного и славного ее Успения, в приделе освятить храм во имя святого отца нашего Николы чудотворца, в праздник его, мая в девятый день, что и совершили во славу в Троице славимого Бога. И с того дня даровал Господь Бог наш православным христианам свою милость. И многие больные начали от недугов своих выздоравливать, благодаря Пресвятую Троицу, Отца и Сына и Святого Духа, также и Всенепорочной Владычице Богородице благодарственные песни воссылая и восхваляя святого и великого апостола и евангелиста Иоанна Богослова, великого архиерея чудотворца Николу и великих российских светочей Сергия и Никона чудотворцев, так как по святым их молитвам произошло исцеление от злых болезней и облегчение. И смерть с того дня стала меньше людей уносить. Уцелевшие же от смертоносной болезни здоровые люди каждый день выходили из крепости на бой с литовскими людьми и бились с усердием, и милость Господня помогала им.

О ВТОРОМ БОЛЬШОМ ПРИСТУПЕ

Месяца мая в двадцать седьмой день опять в Сапегиных таборах и Лисовского был великий шум от многих труб и длился до полудня. С полудня же начали литовские люди подъезжать к крепости, осматривая стены и часто озираясь. Также начали они готовить места, где поставить свои пушки и пищали. И, гарцуя на лошадях, махали мечами своими в сторону крепости, как будто грозя. К вечеру же много конных людей начало гарцевать со знаменами по всем полям Клементьевским. Потом и Сапега вышел со многими вооруженными полками и снова скрылся в своих таборах.

Оставшиеся же в троицком воинстве, видя как те коварно посматривают на крепость, уразумели их злой замысел, чреватый пролитием крови, и поняли, что быть приступу. И стали готовиться к бою. Было же их числом мало. И готовили они на стенах вар с

нечистотами и припасали смолу, камни и прочее, что тогда годилось, и подошвенные бойницы очистили.

И когда уже настал вечер, окаянные литовские люди и русские изменники захотели хитростью подобраться к стенам крепости втайне, ползая, как змеи, по земле молча, таща приспособления для приступа: рубленые щиты, лестницы, туры и стенобитные орудия. Люди в крепости все, и мужчины и женщины, вышли на стены и, тоже затаившись, ожидали приступа.

И вдруг с Красной горы загремело из верхних огневых орудий. И тогда, закричав, все множество литовских людей и русских изменников устремилось на крепость со всех сторон с лестницами, щитами, турусами и иными стенобитными приспособлениями. И, заиграв во многие трубы, они начали приступ всеми силами, всякими способами и средствами. Думали ведь окаянные за один час захватить крепость, зная, что в крепости очень мало людей, да и те немощны, и потому всеми силами налегли на город.

Но подкрепляемое благодатью Божьей троицкое воинство билось с крепостных стен крепко и мужественно. Литовцы старались скорей взойти на крепость и придвинули щиты на колесах и множество лестниц и прилагали все усилия приставить их и взойти на стены. Христолюбивое же воинство и все люди в крепости не давали им придвинуть щиты и турусы и лестницы прислонять, стреляя из подошвенных бойниц из многих пушек и пищалей, коля в окна, меча камни и лия вар с нечистотами, и метали они, зажигая, серу и смолу, и известью засыпали скверные их глаза. И так бились всю ночь.

Архимандрит же Иоасаф со своим священным собором вошел в храм Пресвятой Троицы, молясь всецелому в Троице славимому Богу, Пресвятой Богородице и великим чудотворцам Сергию и Никону об избавлении крепости и о помощи против врагов.

Когда же настал день, увидели окаянные, что не преуспели ни в чем, но только своих множество погубили, и начали с позором отступать от крепости. Осажденные же люди тут же отворили крепость, а некоторые со стен соскочили и устроили вылазку на оставшихся тут у стенобитных своих приспособлений литовских людей. Иные же во рвах бродили и не могли выйти. И таким образом многих тех побили, а живыми взяли панов и русских изменников тридцать человек. И повелели им жернова крутить, работая на братию и на все троицкое воинство вплоть до ухода врагов от города. И так милостью Пребезначальной Троицы, заступничеством Пречистой Богоматери и молитв ради великих чудотворцев Сергия и Никона побили тогда множество шедших на приступ людей; а турусы их, щиты, лестницы и прочие приспособления, взяв, внесли в крепость. Сами же все отошли здоровыми, победителями над врагами оказавшись.

О ЗАСТУПНИЧЕСТВЕ БОЖИЕМ: КАК ГОСПОДЬ УКРЕПИЛ НЕМОЩНЫХ ПРОТИВ СУПОСТАТОВ

По оскудении же всего воинского чина и когда еще от той злой болезни многие умирали, озирались оставшиеся и не знали, что предпринять или что придумать против такого множества врагов, окруживших их: словно воду морскую видят они повсюду, разлившуюся вокруг Сергиева корабля. Надеясь же на доброго кормчего, на молитвы чудотворца, знали они, что его рука держит кормило, направляя оставшиеся души к спасению. И больше они «не надеялись на князя и на сынов человеческих, ибо в них не было спасения», и так далее. И уже самые простые берут оружие, как весла, и готовятся великие волны рассекать и выходят храбрых ратоборцев разрубать. Уразумели все чудотворца молитвы и попечение, и нагие уже не боялись доспехов свечения. И хотевшие дом Пресвятой Троицы горделиво низложить осадой всегда, обгрязаемые кровью, убегали от немощных, побеждаемые засадою. А ожидающие принять различные муки в руки свои взяли крепкие луки. И бывшие у жерновов на помолу ленивыми внезапно стали удалыми стрелками в противников. Не часто уже пробиваются к стенам носящие на головах шлемы, ибо смерти ищущие в глаза им бросаются, словно пчелы. К ранам сыновья беззаконных всегда чувствительны, но безжалостно жнут их серпы губительные.

Что много говорю? Настолько Бог расхрабрил оставшихся сидельцев троицких на противников, что не так противники боялись подходить к крепости и воевать с ним сначала, когда в крепости было множество всякого чина воинов и мужей-ратоборцев, как они боялись последних малых числом и сущих невежд. И как спас Господь Авраама и Гедонеа и город Иерусалим от рук ассириян не силой, не броней, не крепостью стен, но мышцей своею, так и дом Пресвятого имени своего спас не крепкими, но немощными, не мудрыми, но простыми, не многими числом, но малейшими. Разгневавшись, слегка поразил, помиловав, много возлюбил, как впереди показано будет.

О ТРЕТЬЕМ БОЛЬШОМ ПРИСТУПЕ И ОБ ОБМАНЕ ТРОИЦКИХ СИДЕЛЬЦЕВ

Ждали сидевшие в Троицком Сергиевом монастыре князя Михаила Васильевича Скопина. И вот стало известно всем людям, что собрались вместе все, посланные от тушинского ложного царька, от Сапеги из-под Троицы и из иных городов многие поляки и русские изменники, и пошли против князя Михаила и против немецких людей. Но Бог мстил за кровь рабов своих, взывающих к нему день и ночь, и вот стер Господь силою своею бывших во всеоружии, и прозвенел об этом слух по всей России. И трезвыми и вооруженными поляки на постели спать ложатся и уже больше друзьям своим, русским изменникам, ни в чем не верят, и поделенные дома и имения оставляют, и всех плененных жен и девиц бросают, и в подарок их многие не

принимают, но все к бою оружие очищают, готовясь зверски напитать его кровью. Они оставляют в городах для задержания воинства князя Михаила надежных быстрых бегунов, сами же, свирепейшие из всего войска, отлучаются, изыскивая, кто еще верен им из русских изменников, и с теми твердо решают, оставив прочие города, взять Троицкий монастырь: все пути к царствующему граду тем самым будут закрыты. Но смущает их то, что множество их погибло под Троицким Сергиевым монастырем.

Но что же творит лукавый? Он влагает мысль русским сынам из ближних городов и ею, безумные, прельстившись, советуясь, говорят: «Если пребудем с поляками, стоя против Москвы и против Троицкого монастыря, то поместья наши не будут разорены». О вражеский обман! Тленные имения сохраняя, нетленные души в вечные муки посылают; богатство лелея, головы свои не жалеют.

Так и присоединились к Збровскому полку, к тушинским литовским людям и к русским изменникам дворяне и дети боярские из многих городов. И так все они пришли под Троицкий Сергиев монастырь и показали множество избранной силы своей, множеством богатства своего хвалились, играли на многих инструментах и посылали к обители чудотворца русских людей из простого народа с известием, научив их говорить, что немцев и русских людей они побили, а воевод захватили, а князь Михаил бил-де челом на всей воле панской. И Михаил Салтыков и Иван Грамотин вызывали из крепости для разговора троицких людей и говорили: «И Москва уже покорилась, и царь Василий с боярами у нас в руках». Также и дворяне с клятвой лгали в один голос с поляками и ни в чем не разноречили, говоря: «Не мы ли были с Федором Шереметьевым? А вот все мы здесь. И какая у вас надежда на понизовскую силу? Мы же узнали вечного своего государевича и потому верно ему служим. Царь Дмитрий Иванович послал нас перед собой. Так что если вы ему не покоритесь, то он сам следом за нами придет со всеми польскими и литовскими людьми, а также с князем Михаилом, с Федором Шереметьевым и со всеми русскими людьми; тогда уже челобитья вашего не примем». И иное многое, подъезжая, лгали, обманывая. Такой именно змеиной ложью обманув, они многие города погубили.

Милостью же Пресвятой Троицы не только умные, но и простые люди этого вовсе не слушали, но едиными устами все отвечали: «Господь с нами, и никого против нас! Хорошо вы и красиво лжете, да никто вам не верит. Для чего пришли, то и творите, а мы готовы с вами воевать. Если бы вы сказали нам, что князь Михаил под Тверью берега выровнял вашими телами и что птицы и звери насыщаются вашей мертвечиной, то мы бы легко поверили. А теперь, взяв оружие, пронзим сердца друг другу, разрубим друг друга пополам и рассечем на части. А кого во вратах небесных оправдает Господь, тот и есть творящий и говорящий правду».

Увидали злые враги, что троицкие сидельцы не ищут жизни, но смертного пиршества охотно желают, и тогда на второй день стали готовиться к приступу. Пан же Збровский, ругаясь и понося Сапегу, Лисовского и всех панов, говорил: «Что стбит бездельное ваше стояние около лукошка? Что стбит лукошко то взять да ворон передавить? Это вы творите нерадиво и еще хотите сборной чернью крепость взять». И они сами приготовились к приступу, а черных людей отослали от себя, кроме казаков Лисовского. И приняли решение напасть на сонных той же ночью, как пришел с боя с князем Михаилом Збровский, а с ним пришли Лев Плещеев и Федор Хрипунов. И говорят, что той ночью видели литовские люди, как с неба упала большая звезда посреди монастыря и рассыпались от нее по всему монастырю огненные искры.

Был же этот третий большой приступ июля в тридцать первый день, в канун Госпожина заговенья. В обители чудотворца оставалось тогда здоровых никак не больше двухсот человек. В ту же ночь, когда приготовились к приступу литовские люди и русские изменники, тогда в воздухе скакали будто огненные луны, и всю ночь сиял от небесных звезд свет великий, и, казалось, они падали на монастырь и вокруг монастыря. Троицкое же воинство и все православные христиане, мужчины и женщины, бились с врагом всю ночь не переставая, как и во время прежних приступов.

И еще было явление, подобное прежним, — такое прежде было многим начальникам кровопийц во сне, но те сочли их сонной ерундой. Теперь же вполне явственно, не во сне, но наяву показалась текущая река. Но в то время об этом ничего в обители чудотворца не знали, когда же прекратилось праведное наказание от Господа ранами и уже в покаянии пребывали, с клятвами именем Божиим истинно было засвидетельствовано следующее.

Поведал Андрей, называемый Болдырь, атаман казачий, с находившимися под ним казаками. Они, как для них обычно, готовились к приступу и залегли около прудов, ожидая времени. И вот видят ясно, что течет очень быстрая река между ними и монастырем, в волнах же она несет поломанные большие колоды, бурелом, много бревен и большие деревья с корнями, причем со дна, как горы великие, поднимаются камни и песок. Бога свидетелем выставляли они тому, что видели двух старцев, украшенных сединами, как снегом, и кричавших громким голосом с крепостной стены всем, кто их видел: «Всем вам, бедным, так плыть! Что о себе не подумаете!» Мы друг другу шептали: «Что вам видится и слышится, братья?» И все в один голос друг другу говорили: «Это не привидение, но наяву мы видим грозную текущую реку, страшно ломающую деревья и бурелом и камни выворачивающую изо дна». И, говоря это, вместе все смотрели на старца. Зная же, что нет между нами и монастырем реки, нет и больших деревьев, начали все скорбеть, говоря: «Это знамение, что быть всем нам побитыми». И еще слышали голоса многих людей, говоривших в крепости: «Ложитесь

спать: ведь нет ничего и не будет». И пока мы медлили в раздумье, не стало видно реки, и все было, как и прежде. И когда мы хотели бежать, тут внезапно пошли со всех сторон на приступ, и мы, как связанные и гонимые, пошли к смерти, не удержавшись, с прочими двинувшись. И слышали, что с крепости сначала дважды или всего трижды выстрелили, а за измену нашу вражью с нашей стороны оказалось много побитых, а неизвестно, кто их побил. И, стремглав вспять все нестройно метнувшись, с приступа того разбежались и впредь на приступы не продолжали ходить. На стене же крепостной убили одну женщину, а кроме нее никого не ранили.

Збровский же отборное воинство, многих вооруженных людей погубил. Видя его в слезах, Сапега и Лисовский со своими воинами посмеивались: «Чего ради не одолел ты лукошко? Постарайся еще, ты ведь такой храбрый, не посрами нас, пойдя разори это лукошко, доставь вечную славу королевству польскому. Нам непривычны приступы, а ты — премудр, позаботься о себе и о нас».

А нас, некоторых из тех, кто видел это, оставил Господь для покаяния и для обличения самих себя. Среди них я, Андрей. Мы постоянно плакали, размышляя, как бы живыми не пожрала нас земля, и, улучив время, тайком убежали.

О ПОТЕРЕ НАДЕЖДЫ НА ПОМОЩЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКУЮ И О СКОРБИ ПОБИВАЕМЫХ ПРИ ЗАПАСЕ ДРОВ И ПРОЧЕГО НЕОБХОДИМОГО

Много бед и много напастей и льющуюся кровь постоянно видели мучившиеся в обители чудотворца, особенно же после этого последнего третьего приступа, при вылазках, и множество бывших в крепости людей было побито при добыче дров за крепостью, и в искушении оказываются сердца и разум нетерпеливых, и в неблагодарности уста они открывают и колеблют крепость твердо стоявших, и многие говорят такие строптивые и развращенные речи: «Вот уж сколько времени продолжается пролитие нашей крови, а еще какой будет конец этой беде? Что, если напрасно наше упование на царя Василия? Вот, день ото дня мы ждем помощи и выручки, но все обман. Уже ведь все российские города соблазнились и все к ворам перешли, и ниоткуда нет нам на помощь ратных воинств, ибо всем хватает забот о самих себе. А ну как станут головы наши пищей для мечей?»

И у многих руки сражаться перестали, а всегда у дров злые схватки бывали. Ибо выходили за обитель, чтобы дров добыть, а в город не возвращались без того, чтобы кровь не пролить. И мусор и хворост за кровь покупавшие и на них повседневную пищу разогревавшие, на мученические подвиги сильно себя возбуждали и друг друга этим побуждали. Где рублены бывали молодые деревья, там разрублены лежали храбрецов тела. И где срезаем бывал молодой прут, лежал расклевываемый птицами человеческий труп. Невыгодным получался такой торг, ибо противников полк с

оружием прискакивал горд. Когда шли они на страшную эту добычу дров, тогда готовился им вечный гроб.

Выходившие же и входившие, в воротах крепости встречая друг друга, всегда так говорили: «На что, брат, выменял проклятые эти дрова: на друга ли, на родителя, или на свою кровь?» И кого Господь пока прикрыл, те благодарили его, а кого суд постиг, те зло рычали. Ибо отец выходил, чтобы накормить своих жену и детей, брат — брата и сестер, также и дети — родителей своих. И разом, бывало, вносили дрова и человеческую голову. И, готовя пищу страшнейшей ценой, всякий, смотря на огонь, «ох-ох! — говорил, — о, отец мой, зачем ты меня родил: чтобы кровь твою съел я и выпил?» И матери вопили: «О, дети мои, это не пища варится, но я за вами следом к смерти готовлюсь!» Братья по братьям рыдали, говоря: «О, утроба матери нашей, почему не заключила ты нас, чтобы мы не ели друг друга!» Некоторые же им сурово возражали: «Не надо, братья, не скорбите: сегодня мы их потом и кровью напитались, а завтра оставшиеся нашими потом и кровью напитаются. Мы в этом не виноваты. Всесильный же осудит за это творящих нам зло».

И, пребывая в таком унынии, уже совсем они не надеялись, что выручит царь. И о том скорбели, что у врагов Божиих стража крепкая и весть к государю царю послать невозможно о больших преждеупомянутых приступах и об оскудении в крепости военными людьми.

О ЯВЛЕНИИ ЧУДОТВОРЦА СЕРГИЯ

Дивный в своих чудесах великий Сергей вновь явился пономарю Иринарху, говоря: «Скажи братии и всем ратным людям: почему скорбят из-за того, что нельзя послать в Москву весть? Я послал от себя в Москву в дом Пречистой Богородицы и ко всем московским чудотворцам, чтобы совершили молебное торжество, трех своих учеников: Михея, Варфоломея и Наума, — в третьем часу ночи. И воры и литовцы видели их. Почему же слуга не известил, что слышал от врагов, что они их видели? Ведь они сами о том, подойдя к монастырю, рассказали. А вы, выйдя из города, скажите врагам: „Видели вы старцев, так почему не схватили их? Вот придет от них над вами победа, да и в Москве всему городу станет о них известно”». Что и случилось.

Ибо видели в то время в Москве, как они пришли со множеством печеного хлеба на возах на Троицкое подворье в Богоявленский монастырь. И стали невидимы. Об этом дальше рассказано будет (...) а теперь оставим это, пусть речь идет о случившемся в осажденной обители чудотворца.

Воеводы и все воинство, услышав это от Иринарха, стали разузнавать, кто из литовских людей что слышал. И слуга Федор Чудинов рассказал все по порядку так: «Когда я стоял на страже, охраняя то, что мне было повелено, подошли близко

сыновья вражды и сказали, грозя: „На что вы надеялись, посылая трех монахов в Москву? Не прошли они нашу стражу; хоть два и убежали, но одного мы поймали”». Многие же этому не поверили.

Тогда на другой день воевода послал за город дворян и видных воинов к панам, чтобы разузнать о старцах. И не было согласия в речах панов, говоривших: «Послали-де вы в Москву трех монахов, под двумя лошади карие, а под третьим пестрая; и на стражу нашу наехали, а сторожа наши их перехватили и двух казнили, а третьего к царьку послали». Другие спорили между собою. «Не лгите, — говоря, — никого ведь не поймали». Слыша это, некоторые из православных, смеясь, им говорили: «А кто они по имени, которых вы связанными держите, и каковы обликом, и что за вести сказали вам?» И, ругаясь, те путались в словах.

Воеводы же, посоветовавшись и попросив общей милости у Живоначальной Троицы, выйдя на вылазку ради того, чтобы разузнать истину о чуде, взяли в плен видного шляхтича и возвратились в крепость, не потерпев никакого вреда. И во время допроса и под пыткой пан сказал: «Поехали-де от вас к Москве три монаха и наехали на нашу стражу, а те за ними погнались, да не догнали. А то паны солгали, что поймали. Истинно вам говорю, что не поймали ни одного, лишь лошадей своих поморили. Под старцами же кони очень худые, но словно крылатые».

По этому поводу все с радостным сердцем воздали благодарность всеобщему Владыке, Богу, и угоднику его великому Сергию чудотворцу. А со временем, когда получили возможность, известили обо всем об этом посланием царя Василия.

СВИДЕТЕЛЬСТВО О ТОМ ЖЕ

В тот же день вечером, когда разведали истину и узнали о приходе нетленных гонцов, некий немощный старец в больнице, слыша такие рассказы о чудесах великого Сергия чудотворца, размышлял, лежа на своей постели, попросту: «Что это за лошади, да и правда ли это?» Думая так, он повернулся к стене и вот слышит, что дверь в больницу ту отворилась, и слышит шаги идущих ног. Он не повернулся посмотреть, потому что много входило тогда в ту келью и выходило больных, и много бедных из мирских людей тут жило. Но слышит тот старец, что его зовут: «Повернись сюда, я тебе что-то скажу!» Старец же, не повернувшись к тому, ответил: «Говори, брат, что надо; я не могу повернуться, сам ведь знаешь, что я болен». Тот снова говорит ему: «Повернись, что ленишься!» А старец отказался: «Не хочу вредить себе, говори так». Ибо думал старец, что кто-то из той же кельи обращается к нему, потому и не хотел на него смотреть. И, помолчав, начал стоявший перед ним поносить его, говоря: «Что безумствуешь, старец, почему непокорен? В этом ли твое иночество? Разве нет у Бога милости, чтобы подать тебе здоровье вместо немощи?» Старец размышлял о поношении, думая про себя: «Кто это понапрасну ругает меня? Кого я оскорбил?» И

решил повернуться, и, собравшись со всеми силами, двинулся, и вдруг встал на свои ноги здоровым. И узнал он чудотворца по образу, написанному на иконе. И сказал ему великий чудотворец Сергей: «Что сомневаешься? Воистину послал я своих учеников». А старец, простецом будучи, говорит: «А на чем послал, государь наш?» Преподобный же отвечает: «На трех слепых меринах, которых конюший Афанасий Ощерин из-за нехватки корма выгнал из монастыря в надолбы — на тех послал. Скажи всем об этом: не столько мне гнусен смрад блуда согрешающих мирян, сколько инок, не хранящий своего обета. Под стенами города моей обители всех пришедших врагов я истреблю, а нечисто и двулично живущих в этой обители погублю и причту к осквернившимся». И, сказав это, стал невидим.

Старец же понял, что он здоров, и, будучи охвачен сильным страхом, плакал до утрени из-за пререкания со святым. И сам пришел в церковь и передал всем слова чудотворца. И поискали повсюду тех слепых мерин и не нашли, и чтобы кто-нибудь видел их, — ни от кого не услышали. И уверились, что воистину было, как сказал святой Сергей чудотворец, и воздали все за это славу Господу Богу, творящему удивительное. А приход тех учеников святого не остался неведом в царствующем городе Москве. Но об этом, опять говорю, впереди слово покажет <...>.

О БОЕ С КНЯЗЕМ МИХАИЛОМ ПОЛЬСКИХ И ЛИТОВСКИХ ЛЮДЕЙ И РУССКИХ ИЗМЕННИКОВ

Когда разрушитель браней князь Михаил приблизился к Колязину монастырю, противники, польские и литовские гетманы, полковники и ротмистры, каждый со своими полками, Александр Зборовский, Сапега, Лисовский и Иван Заруцкий, вновь пошли против князя Михаила Васильевича Скопина-Шуйского и против немцев Переяславской дорогой, месяца июля в пятый день на память преподобного отца Афанасия Афонского и преподобного отца нашего Сергия Радонежского чудотворца, в день обретения его честных мощей, во втором часу ночи. И пришли они на Волгу под Колязин монастырь в колязинское село Пирогово. Князь же Михаил Васильевич с благочестивым московским воинством и с Яковом Пунтосовым, с Велгорем и со многими немецкими людьми построил полки на Волге против них.

И послал князь Михаил воевод Семена Головина, князя Якова Борятинского, Григорья Волуева, Давида Жеребцова со многими людьми за Волгу на перевоз, к Николе чудотворцу в слободу, на речку Жабну, против литовских людей, чтобы их за ту речку не пропустить. Речка же та очень топкая и будто ржавая. Литовцы, увидев московских людей, тут же, как лютые звери, устремились на ловлю. Благодатью же Божией в том бою многих польских и литовских людей побили и поранили, а многие из них, в грязи завязнув, погибли, прочие же пустились бежать к большинству своих людей в село

Пирогово. Воеводы же послали об этом весть к князю Михаилу, чтобы он скорее через реку переправился, что и было сделано.

Литовские же гетманы и их полковники со всеми полками своими устремились на русское воинство. И сошлись те и другие полки, и была жестокая сеча, и рубились на многих местах, сражаясь весь день. От ружейной пальбы, ломающихся копий, от воплей и криков людей того и другого войска и от треска оружия не слышно было друг друга, кто что говорит, и от клубящегося дыма едва было видно, кто с кем бьется. И, как звери рыча, жестоко рубились.

Солнце уже достигало запада, и воззвали все православные к Богу, умоляюще вопия от сердец своих: «Увидь, Владыка, кровь рабов твоих, без вины закалываемых! Также и ты, преподобный отец Макарий, помолись за нас Богу и помоги нам!» И уже когда приблизился вечер, услышал Господь молитвы рабов своих, и напал страх великий на врагов Божиих, и, ужасом великим охваченные, бросились они бежать. И побежали, топчя друг друга, гонимые Божиим гневом. Русские же полки гнали литовских людей, посекая, до Рябова монастыря; и многих литовских людей побили и поранили, и видных панов много захватили живыми. И с великой победой, одолев врагов, с большой добычей возвратились под Колязин монастырь.

Польские же и литовские люди и русские изменники, как из-под Твери, так и из-под Колязина монастыря, по беспутью возвращаясь вспять и захотев окончательно разорить дом Пресвятой Троицы, повели на него жестокое нападение. Оставшиеся же в монастыре малые числом люди, друг друга поддерживая, боролись со врагами.

Потом из Сапегиных таборов в Троицкий Сергиев монастырь выехал пан Ян, а с ним четыре слуги и два человека русских, и те сказали, что под Колязиным монастырем князь Михаил литовских людей много побил и захватил.

В тот же день воеводы устроили вылазку из Троицкого Сергиева монастыря на речку Коншуру, на литовские бани, и у бань убили многих черкесов и казаков, и бани их сожгли, и шесть человек живыми взяли. И пленные сказали, что литовских людей подлинно князь Михаил под Колязиным монастырем побил. За это люди благодарили Бога, и возрадовались, и в благой надежде утвердились, ожидая от Бога избавления, и с врагами стойко боролись.

О ХИТРОСТИ ПОЛЯКОВ И О ВЗЯТИИ ИХ СКОТА

Богоборцы же, польские и литовские люди, а также русские изменники, когда потерпели поражение от русских людей, а скорее от Бога, убегая из-под Колязина монастыря, пленили многие волости, села и деревни Ростовского, Дмитровского, Переяславского и Слободского уездов, и множество всякого скота награбили и, издеваясь над голодными в крепости находящимися людьми, сидевшими в осаде в

обитатели чудотворца Сергия, выпускали большие стада по запрудной стороне по Красной горе и на Клементьевское поле и тем соблазняли осажденных людей сделать из крепости вылазку, чтобы те отъехали от стен. И так в течение многого времени выпускали они стада днем и ночью. Хитрые как лисы и как хищные волки, с сатанинским коварством замыслили они это против голодных сидельцев. Бог же не оставляет рабов своих, уповающих на него, и замысел их так и не осуществился.

Месяца августа в пятнадцатый день, как раз в светлый всемирный праздник Пресвятой Владычицы нашей Богородицы, честного и славного ее Успения, из Сапегиных таборов, по прежней их злой хитрости, опять выпустили они свой скот в прежденазванное место. Троицкие же сидельцы, потихоньку выехав из крепости на конях Благовещенским оврагом, стражу литовскую побили и, захватив стада их, погнали к крепости. Пешие же люди, выйдя с Пивного двора, так и погнали скот в крепость, благодаря Бога и Пречистую Препоблагословенную Владычицу Богородицу и великих чудотворцев Сергия и Никона за то, что здоровыми ушли от столь великого воинства литовских людей, не потерпев никакого вреда, будучи сами столь малочисленны. И вот что еще удивительно: когда скот погнали к монастырю, тогда тот скот сам быстро побежал к монастырю, никуда не сворачивая, и без всякой задержки вошел в крепость.

О ПРИХОДЕ В ОБИТЕЛЬ ДАВИДА ЖЕРЕБЦОВА СО МНОГИМИ ЛЮДЬМИ, О ПРОПИТАНИИ РАТНЫХ ПО МОЛИТВАМ ЧУДОТВОРЦА, ОБ УМНОЖЕНИИ МУКИ, СУХАРЕЙ И РЖИ, О БЛАГОДАРЕНИИ АРХИМАНДРИТА ИОАСАФА И О ЕГО НИЩЕЛЮБИИ И О ПОБЕГЕ САПЕГИ И ЛИСОВСКОГО СО ВСЕМИ ИХ ЛЮДЬМИ

Услышали в Троицком Сергиевом монастыре, что князь Михаил изгнал из Переяславля литовцев и русских изменников, мостя пути трупами нечестивых вплоть до Александровской слободы и имея доброе намерение пути кровавые осушить. И архимандрит Иоасаф, иноки, воеводы и прочие сидельцы посылают к князю Михаилу Васильевичу от дома чудотворца, прося с молением о помощи, потому что оставшиеся люди изнемогли.

И послан был от князя Михаила воевода Давид Жеребцов, а с ним шестьсот мужей, отборных воинов, и триста им прислуживавших. По молитвам чудотворца, они прошли никем не задержанными, — ни дозорами, ни стражей не были они замечены, и налегке всех минули быстро.

Не имея с собой для пропитания ничего потребного, они испытывают нужду и, не заботясь о пропитании мучающихся в бедах, думают лишь о своей пользе. И берет Давид все хозяйство на себя и счетные записи монастырских запасов отнимает. Из рук старца Макария он взял в житницах двадцать четвертей ржи, двести четвертей сухарей, да в хлебне муки ржаной сорок четвертей, да овса семь тысяч семьсот

семьдесят шесть четвертей. Конная мельница была тогда испорчена, и лесу не было, и починить ее было нечем. Также и молоть было некому, ибо трудившиеся люди все перемерли, и мололи в день только по три осьмины ржи или овса, пекли же в день по четыре квашни, а в квашне — пять четвертей. И к тем хлебам каждый день брали на трапезу сухарей четвертей и по девять, и по десять, и по одиннадцать.

Архимандрит же Иоасаф как начал с самого начала, так и до этого времени заботился о бедных и нищих, и был он оком для слепых и ногой для хромых. Хотя и не своими руками и ногами он им служил, но всех всячески благодетельствовал и без слез не мог смотреть на плачущих, скорбя со вздыхающими, и всякий, что-либо просивший, с пустыми руками не уходил от него.

Оставшиеся же иноки, видя насилие ратных людей и попечение отца Иоасафа о бедных и нищих, как прежде из-за этого роптали на него, так и в то время и потом, приходя, ругали его в лицо. Боголюбивая же душа у всех прощения просила и тихими словами учила за все благодарить Господа. И сказал он: «Лучше нам умереть, нежели перестать жалеть сирот. Да и не допустит великий Сергей, чтобы мы от голода истаяли». Смотрите же все слушающие, сколь скор заступник уповающих на него, великий отец наш Сергей. Ведь этот Иоасаф был простым человеком, а не пророком и не сотворителем знамений, но уповал с верой и не посрамился, как та вдова, питавшая Фесвитянина, ибо поверила его слову, и не исчерпались малые пригоршни за три года и шесть месяцев. Ибо воистину «праведники и по смерти живы», как и сегодня на глазах у всех сделалось очевидным. Казалось ведь тогда оставшимся инокам, что пищи — лишь на одну седмицу дней, протянулось же время на тех малых остатках на восемьдесят четыре дня, с девятнадцатого октября по двенадцатый день января. Ибо в тот день Сапега и Лисовский от Троицы со всеми польскими и литовскими людьми побежали к Дмитрову.

О ПОМОЩИ ЧУДОТВОРЦА В РИСКОВАННЫХ ВЫЛАЗКАХ

Удивительно это всегда происходило с самого начала во время сидения в осаде в Троицком Сергиевом монастыре, еще до прихода Давида Жеребцова, когда люди выходили на бой с супостатами: если соберутся они и подготовятся с великим тщанием, то не всегда добром оканчивался выход; если же и с какой-то уверенностью выйдут, то и пагуба бывала. Похвальное же если что делалось, то не подготовкой, а крайней простотой. Удивления эти рассказы достойны.

Когда увидят они противников, где-нибудь стоящих и с уверенностью храбро действующих или близ стен беснующихся, то, удерживаемые воеводами, чтобы не погибали понапрасну, и не имея возможности выйти, друг на друга взглядывая, сердцами они терзались. И, придумывая каждый себе нужду и потребность, у приставленных над ними они отпрашивались: одни за травой, другие за водой, иные —

дров добыть, иные корни выкопать, кто веники нарезать, а кто и подальше отпрашивался — к колодцу чудотворца, воды для исцеления зачерпнуть. Поляки же, радуясь такой несогласованности, как псы на зайцев, отовсюду нападали. И начиналось кровопролитие во многих местах: ибо не по десять или двадцать, но по пять, по три и по два, порознь бродя, смерти они искали. Против же врагов, когда те подходили к ним, они вместе ополчались. И выходившие не ради чести оказывались достойными чести победителями. Благодаря защищающему нас Спасителю в таком смирении никто никогда не погиб, но все до одного здоровыми возвращались в дом преподобного.

Давид же Жеребцов, когда пришел и увидел, сколь попросту поступают выходящие на вылазки, долго их бесчестив и отослав прочь, повелел не выходить с ним для боя. Будучи уверен в своем отборном воинстве, хорошо снарядившись, выходит он переведаться с раздражающими. Столкнувшись же с супостатами и позорно одолеваемый ими, он убежал, вместо пота победителя слезами облившись. Снаряженный, беспорядочно убежал. По малом же времени, еще дыша рвением, выходит он, чтобы отомстить. Ему простецы сказали на пути: «Мы, государь боярин, прежде этого прося у чудотворца Сергия помощи, выходили с малым снаряжением, потому что не дают его нам, но как овцы выходили, пастух же наш сам о нас заботился и не губил нас никогда». Давид же, с гневом подняв глаза на говорящих, вышел к врагам на бой. Когда же завязался бой, замечают простецы, что у храброго и мудрого мужа нет удачи, но из-за его запрета не смеют подать ему помощь. Видя же, что порублены будут кедры в дубраве, и не дожидаясь гибели своей надежды, по своему простому обычаю, немощные бросились в бой и похитили мудрых от рук лукавых. Гордецы же с тех пор называют немощных и бедных не овцами, но львами, и не сиротами, но господами, и вместе с собой за трапезу их сажают. И бросают немецкую мудрость, и принимают покрываемых преподобным глупость. И, простыми став, забыли, как убежать, но привыкли славно врагов гонять.

О ПРИХОДЕ ГРИГОРИЯ ВОЛУЕВА

Месяца января в первый день, в четвертом часу ночи пришел из Александровской слободы от князя Михаила Васильевича в Троицкий Сергиев монастырь воевода Григорий Волуев, а с ним отборных воинов пятьсот храбрых мужей, и все с оружием. Они пришли переведаться с литовскими людьми и русскими изменниками и войско их смести. Когда же стало рассветать, соединившись с Давидом и с троицкими сидельцами, храбро выходят они из города и смело нападают на польские и литовские роты. И втоптали они их в Сапегины таборы, и станы их около таборов зажгли. И милостью Пребезначальной Троицы литовских людей многих они побили и пленными взяли. Сапега же и Лисовский со всеми своими полками вышли против них, и

произошел между ними великий бой на Клементьевском поле, на Келареве пруде, на Волкуше и на Красной горе. И, долго бившись, многие с обеих сторон испили смертную чашу, но вдвое больше погибло из полка еретического. И разошлись те и другие. И, проведя тот день в обители чудотворца, выполнив приказанное им, присланные назад возвратились к князю Михаилу Васильевичу. На польских же и литовских людей и на русских изменников великий страх тогда напал, и они были в недоумении, как рассказывали оставшиеся.

О ПОБЕГЕ ГЕТМАНА САПЕГИ И ЛИСОВСКОГО

И января в двенадцатый день гетман Сапега и Лисовский со всеми польскими и литовскими людьми и с русскими изменниками побежали к Дмитрову, никем не гонимые, только десницей Божией. В таком они ужасе бежали, что и друг друга не ждали, и запасы свои бросали. И великое богатство многие после них на дорогах находили, — не из худших вещей, но из золота, и серебра, и дорогих одежд, и коней. Иные же, не в силах бежать, возвращались назад и, в лесах поскитавшись, приходили в обитель к чудотворцу, прося милости своим душам и рассказывая, что, дескать, «многие из нас видели два очень больших полка, гнавших нас до самого Дмитрова». Все этому удивлялись, так как от обители не было за ними никакой погони. В князя Михаила приходе уже отчаялись: моление обители к нему он презрел.

По отшествии же сынов беззаконных переждав восемь дней, посылают из обители чудотворца к царствующему граду, к государю, старца Макария Куровского со святой водой, января в двадцатый день. Все еще опасались в доме чудотворца врагов, и людей считали, и пригодное для их питания захотели учесть. И еще нашли в хлебне муки четвертей с десять, также и сухарей четвертей с пятьдесят. Всех в изумление это чудо повергло: как из столь малых запасов на такое время продлилось преизобильство — и не только для людей, но и для скота. Ибо больше названного здесь числа оказались избытки: ведь тогда давали коням овса на все воинство по девяносто четвертей на день да монастырским и воеводским лошадям по десять четвертей на день; и кормили весь скот больше ста дней тем овсом. А когда разошлись все ратные из обители, еще и остатков того овса много осталось на потребу искушенным от Бога великими бедами. И когда князь Михаил, малое время помедлив, пришел из слободы в дом чудотворца со всем воинством, с русскими людьми и с немцами, то все воинство из тех же малых остатков брало довольствие, также и весь скот свой из житницы чудотворца достаточно питали. И по уходе его и всего воинства для многих пропитание осталось.

СЛОВО БЛАГОДАРСТВЕННОЕ ЗА ВСЕ СОТВОРЕННЫЕ ЧУДЕСА БОЖИИ, БЫВШИЕ В ОБИТЕЛИ ЧУДОТВОРЦА СЕРГИЯ ПО МОЛИТВАМ ЕГО. ТВОРЕНИЕ ТОГО ЖЕ КЕЛАРЯ ИНОКА АВРААМИЯ

Кто захочет счесть все звезды круга небесного и из воздуха капли дождя изливаемые, и по краю моря лежащий песок исчислить, никак не сможет, ибо это невозможно для человека, но одному только Богу по силам. Так же невозможно счесть чудеса великих светочей, дивного в чудесах преподобного и богоносного отца нашего Сергия чудотворца и ученика его Никона чудотворца. Сколько творит Бог через угодников своих предивных, превосходящих всякое слово и умом непостижимых чудес! Словно солнце простирает он повсюду лучи чудес — не только в обители их, но и в царствующем граде Москве и в окрестных российских землях, — везде прославил Бог угодников своих, и повсюду распространились их чудеса вплоть до внешних государств Греческой и Римской державы. Настолько ведь возлюбил его Бог и прославил, что невозможно рассказать о всегда бывающих чудесах или писанию их предать. Ибо на всяком месте в бедах, или в скорбях, или в узах и в плену, в изгнании, в кровопролитиях и во всяких тяжелых утеснениях и печалях, кто призовет с верой на помощь этого великого отца, тот ведь посрамленным никогда не уйдет и в надежде своей не ошибется. Иногда же и прежде просьбы святой находящихся в печалях опережает и ищущим его скорым помощником оказывается. Ибо он вечный друг Матери Слова Божия; не считавший тогда и ныне всех нас питает. Кто же я, окаянный и грехи нелегко исцеляемые носящий, чтобы захотеть, тьмой будучи, сосчитать простираемые солнцем лучи чудес? Но о чем должен, о том я и вопию непрестанно, моля заступника отчаявшихся.

О, освященная вершина, как спас ты из рук гордецов созданное потом твоим, так и меня всеокаянного спаси из гортани змея, ибо к тебе прибегаем, обновившему чудеса Евфимия Великого и Феодосия: дай мне слово, бессловесные дела творящему, научи меня восхвалять тебя, служащего предвечному Слову, словом все составившему! Благословен Господь Бог наш, осуществляющий через тебя дивное и неизреченное! Благословенно тело твое, преподобный Сергей, уверяющее в воскресении мертвых! Всехвально, благословенно и препрославлено имя Господа, давшего тебя зрячим для спасения от греха! Благословен Господь, тобою удерживающий влекомых ко греху и вкладывающий в мысль живого тебя пред очи всем зрячим! Благословен живший прежде бытия всего мироздания, неисчислимым сотней тысяч и тьмами тем лет, но вечно сущий, изволивший создать все, безначальный и бесконечный, прославивший тебя наравне с прежними великими святыми! Благословенны вы, господа Сергей и Никон, сохранившие дом свой от обступившего его сатаны!

Благословенна и ты, о Дева преблагословенная Мария, одно только это место сохранившая от меча еретического! Благословенна ты, чаша, покоящаяся в руке Создателя всех, в которую Бог налил вино нашего веселия, а мы его напились, несмешанного, неспорченного, в двух естествах, Божьем и человеческом, незамутненного! Блаженна ты, зеркало надмирное, в котором увиден был Сын Божий!

Блажен ты, источник запечатленный, изливший воду живую, которой разумные невестественные существа желают напиться! Блаженна ты, сокровище, которое в будущий век все будут вечно воспринимать! Блаженна ты, Царица, ибо рабы твои перелетают стены вышнего Иерусалима! Благословенна ты, Владычица, ибо тебе поклоняются со страхом все небесные силы! Блаженна утроба твоя, выносившая Свет, светлейший солнца в тысячи тысяч и тьмы тем раз! Благословенны руки твои, носившие Сотворившего словом море! Блаженна дверь печати девства твоего, через которую прошел единый Господь Бог наш! Благословенны очи твои, зрящие трисоставный свет! Блаженны уши твои, слышащие тайны, существующие прежде создания всей твари! Благословен ум твой, зрящий и нынешнюю изменяемую тварь, и иную, созидаемую, и самое тебя, царствующую со Взавшим пречистую плоть от тебя! Блаженны уста твои, беседующие с родившим из тебя Сына! Блаженно чрево твое безболезненное, через которое прошел наш всеобщий Свет, как и прежде рождения, так и при рождении, и после рождения оставшееся девственным! Благословен происшедший из плоти твоей совершенный человек, суций Бог всего! Блаженны пути, проходящие в тебе, которых и надмирных разумы не постигнут! Блаженна ты, свиток Бога Отца, в котором он написал Слово свое для спасения верных! Благословенна красота твоя, которой Гавриил убоился! Благословен ты, ключ, бездну щедрот изливший, в которых всего мира грехи погрузились! Блаженна ты, вера невидимых! Благословенна ты, надежда отчаявшихся в спасении! Блаженна ты, упование ненадеющихся вечных мук избежать! Благословенно ходатайство твое, непосрамляющееся и в день пришествия Христова! Блаженно заступничество твое, похищающее осужденных навеки! Благословен образ твой, изображенный, чтобы поклонялись мы, грешные, для спасения! Блаженна ты, недостижимая для ума: никому по достоинству не восхвалить тебя! Блаженна ты, которой служат небесные силы! Благословенна ты, по достоинству восхваленная Богом Отцом! Блаженна ты, украшенная Сыном Божиим! Благословенна ты, сокровенное Пресвятым Духом сокровище всех благ! Благословенно слово твое, сказанное преподобному: «Неотступна буду от обители твоей!» Блаженно сказанное тобою, ибо на деле ты это выполнила! Благословенна ты, Всесильная, ибо не допустила стать мерзости запустения на месте святом! Благословенна ты, Богородица, ибо благодаря твоим молитвам не увидели мы приношения мертвого хлеба вместо живого тела Христа Бога нашего!

Благословенны вы, богоносные отцы Сергей и Никон, ибо не зазвучали злочестивые догматы в творении болезненных трудов ваших! Блаженны вы, светила церковные, что не допустили еретикам разрушить стены дома вашего святого!

Блаженны и вы, скончавшиеся в доме чудотворца и имеющие смелость к нему обращаться! Помяните и нас, да и он помянет в святых своих молитвах перед Господом!

И, о преподобные и богоносные великие отцы Сергей и Никон чудотворцы! Это маленькое и плохое писание, вам приносимое, приняв, воздвигните, преподобные, свои руки к Всенепорочной Матери Слова Божия и, вместе припав к Владычице и к Богу, долготерпеливо помолитесь обо мне грешном и недостойном, как о некоем изверге, и обо всех, с верою вас почитающих и об этих ваших к нам благодеяниях и чудотворениях с любовью читающих, чтобы он подал нам отпущение грехов и помиловал нас, недостойных милости, и я бы некоторое послабление получил в вечных мучениях, и да восхвалим мы вместе убивающего оружием уст своих непокорные ему народы, и да поклонимся Агнцу, закланному за нас, кровью которого мы отмылись от грехов. Ему слава вовеки да будет!